

ЗЕМСКАЯ ГАЗЕТА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

НИЖЕГОРОДСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА.

ПОДПИСКА и объявленія принимаются въ Губернской Земской Управѣ.

Адресъ для писемъ: Нижний-Новгородъ, Предсѣдатель Губернской Земской Управы, для Земской Газеты.

Подписная цѣна на годъ—1 рубль для Нижегородской губернии, 2 руб.—для иногубернскихъ подписчиковъ.

Цѣна номера 5 коп.,
съ пересылкою 7 к.

№ 34.

Этотъ номеръ содержитъ
2 листа.

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть подписаны авторомъ, съ обозначеніемъ адреса. Въ случаѣ надобности, статьи сокращаются и исправляются. Мелкія замѣтки и сообщенія не сохраняются. Статьи безъ обозначенія условій считаются бесплатными.

Плата за объявленія: за строку пята въ одинъ столбецъ впередъ текста—20 к., позади текста 10 к.

Къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны (1812—1912 г.г.).

Юбилейныя историческія торжества въ память 1812 года переносятъ наши мысленныя взоры за 100 лѣтъ назадъ, къ тяжелой, но славной годинѣ „Отечественной войны“.

Въ предѣлы Русскаго государства вторглась 600000-ная „великая французская армія, включавшая въ себя „дванадцать языковъ“; ея частями руководили закаленные въ бояхъ маршалы и полководцы, а во главѣ ея шелъ грозный властелинъ Европы, величайшій полководецъ міра—Наполеонъ.

Все трепетало передъ именемъ этого несокрушимаго титана, почти вся Европа была въ его власти, всѣ государи были покорными исполнителями его воли.

Понятно, какимъ страшнымъ испытаніемъ для Россіи было это грозное „нашествіе галловъ“. Оно грозило ей раздѣлить участь остальныхъ государствъ, быть покоренной, униженной...

Было отъ чего придти въ страхъ и уныніе, было отъ чего народному воображенію рисовать призраки пришествія антихриста и кончины міра. Но святая Русь всегда сильна была религіозной вѣрой и крѣпостью національнаго духа; за 200 лѣтъ передъ тѣмъ, въ тяжкую эпоху смутъ и самозванщины, сумѣла она оградить себя отъ иноземнаго владычества и теперь при новомъ испытаніи осталась она также тверда и несокрушима; стойко выдержала она это испытаніе и вышла изъ него могучей, возвеличенной; встала она, какъ одинъ, по призыву своего царя, на защиту родины и отстояла не только свою честь и независимость, но и явилась передъ лицомъ Европы, окруженная ореоломъ славы и величія, какъ ея избавительница.

Отечественная война—безпримѣрное событіе въ исторіи народовъ; никогда и нигдѣ, кажется, національное самосознаніе, патриотическое одушевленіе народа не проявлялось въ такой полнотѣ и силѣ, не достигало такого энтузіазма и подъема, какъ въ эту памятную годину.

Ни численное превосходство врага, ни боевая подготовка его великой арміи, ни опытность ея руководителей, ни геній ея непобѣдимаго полководца—ничто не могло одолѣть той силы, какую противопоставилъ ему русскій народъ: эту силу онъ черпалъ въ единеніи съ царемъ, эту силу питало и согревало въ немъ горячее чувство любви къ родинѣ. И армія, и народъ, и юноши и старцы—всѣ горѣли желаніемъ идти на врага, умереть за спасеніе родины, и сожалѣли, если имъ не пришлось быть участниками общаго дѣла.

„Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ,— писалъ А. С. Пушкинъ въ своемъ раннемъ, юношескомъ стихотвореніи *), Сражаться за тебя (царя) подъ градомъ вражескихъ стрѣлъ. Сыны Бородина, о, кульмскіе герои! Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи; Душой восторженной за братьями спѣшилъ; Почто жъ на браннѣй долъ я крови не пролилъ? Почто, сжимая мечъ ладенческой рукою,

Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?..

Вотъ какими чувствами жилъ русскій народъ, отъ мала до велика, вотъ съ какой силой встрѣтился Наполеонъ въ Россіи.

Отечественная война—это народный подвигъ и память о немъ никогда не умретъ въ сердцахъ русскихъ людей. Великій Бородинскій бой, сожженная Москва, бѣгство французовъ, все это такія событія, которыя вѣчно будутъ жить въ памяти народной, воскрешая передъ ней величавые образы родныхъ героевъ, подвиги русской арміи и народа, и напоминая намъ о томъ, что въ любви къ родинѣ—наша сила и величіе...

Въ память о 100-лѣтнемъ юбилеѣ отечественной войны въ настоящемъ номерѣ „Нижегородской Земской Газеты“,—Редакція помѣщаетъ образцы художественныхъ произведеній родныхъ писателей, изображающихъ памятные историческія событія 1812 года.

Надобно замѣтить, что событія отечественной войны, благодаря своей исключительной важности, нашли себѣ отраженіе и въ пѣсняхъ народа и въ художественныхъ произведе-

ніяхъ нашихъ писателей, какъ современниковъ этихъ событий (И. А. Крыловъ, В. А. Жуковскій и др.), или близкихъ къ нимъ (А. С. Пушкинъ, М. Ю. Лермонтовъ), такъ и позднѣйшихъ. Лучшее художественное воспроизведеніе войны 1812 года дано въ прекрасномъ историческомъ романѣ Л. Н. Толстого „Война и Миръ“, отрывки изъ котораго читатели найдутъ въ настоящемъ юбилейномъ номерѣ.

*) Писано въ 1815 году и посвящено Александру I.

Бородино.

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнить вся Россія
Про день Бородина!?

Старый солдатъ. Да, были люди въ
наше время,

Не то, что нынѣшнее племя:

Богатыри—не вы!

Плохая имъ досталась доля:

Немногіе вернулись съ поля...

Не будь на то Господня воля,

Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.

Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики.

„Что-жъ мы? На зимнія квартиры?

Не смѣютъ, что-ли, командиры

Чужіе изорвать мундиры

О русскіе штыки?“

И вотъ нашли большое поле:

Есть разгуляться гдѣ на волѣ!

Построили редутъ¹⁾.

У нашихъ ушки на макушкѣ.

Чуть утро освѣтило пушки

И лѣса синія верхушки—

Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,

И думалъ: угощу я друга!

Постой-ка братъ мусью!

Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;

Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,

Ужъ стоимъ мы головою

¹⁾ Редутъ—крѣпленое мѣсто.

Къ 100-лѣтію отечественной войны.*)

(Окончаніе *).

III. Бородино.—Москва.—Побѣда.

Передъ разсвѣтомъ грянулъ выстрѣлъ съ русской батареи. Въ туманѣ русскимъ показалось, что приближается непріятель. Ошибка вскорѣ разъяснилась и наступила вновь тишина.

Кутузовъ поѣхалъ на батарею за д. Горки. Наполеонъ поскакалъ къ Шевардинскому редуту.

Блеснули въ туманѣ первые лучи солнца.

Въ половинѣ шестого раздался первый выстрѣлъ съ французской стороны. Черезъ нѣсколько минутъ второй и третій.

Послышалась ружейная перестрѣлка. И вскорѣ все поле охватило огонь: 1500 орудій и 250.000 ружей разносили смерть и ужасъ. Глохли люди отъ несмолкаемаго грохота. Клубы порохового дыма застилали солнце.

Бой шелъ и въ центрѣ и на обоихъ флангахъ. Это было не одно сраженіе, а цѣлый рядъ битвъ, въ которыхъ обѣ стороны проявляли чудеса храбрости и изумительную стойкость.

Это была битва народовъ Европы, собранныхъ подъ знамена гордаго властелина, противъ одного народа—русскаго. И если русскіе не одержали полной побѣды, то не могъ похвастаться ею и непріятель. Русскіе сохранили почти всѣ свои позиціи.

Наполеонъ посылалъ въ бой свѣжія войска, но грозная боевая линія русскихъ войскъ почти не колебалась.

Кутузовъ, сидя на складномъ стулѣ у д. Горки, принималъ донесенія и руководилъ боемъ.

По всѣмъ отзывамъ русскій главнокомандующій, несмотря на преклонный возрастъ и страшное утомленіе, ни на минуту не терялъ хода сраженія и, во время посылая подкрѣпленія, поддерживалъ силу сопротивленія и поднималъ духъ войскъ.

Самы утѣшныя атаки обрушились на центръ. Цѣлая лавина кавалеріи стремилась сломить Литовскій и Измайловскій полки и прорвать середину русскихъ войскъ. Это былъ рѣшительный моментъ, но оба полка стояли, какъ гранитныя изваянія и мѣткій, непрерывный огонь поражалъ всадниковъ, не допуская ихъ приблизиться.

*) См. № 32 и 33 „Нижегор. Зем. Газ.“.

За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.

Что толку въ этакой бездѣлкѣ?

Мы ждали третій день.

Повсюду стали слышны рѣчи:

„Пора добратся до картечи!“

И вотъ на поле грозной сѣчи

Ночная пала тѣнь.

Прилежъ вздремнуть я у лафета²⁾,

И слышно было до разсвѣта,

Какъ ликовалъ французъ.

Но тихъ былъ нашъ бивакъ³⁾ от-

крытый;

Кто киверъ чистилъ весь избитый,

Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,

Кусая длинный усь.

И только небо засвѣтилось—

Все шумно вдругъ зашевелилось,

Сверкнулъ за строемъ строй.

Полковникъ нашъ рожденъ былъ

хватомъ:

Слуга царю, отецъ солдатамъ...

Да, жаль его: сраженъ булатомъ,

Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:

„Ребята! Не Москва-ль за нами?

Умремте-жъ, подъ Москвой,

Какъ наши братья умирали!“

И умереть мы обѣщали,

И клятву вѣрности сдержали

Мы въ Бородинскій бой.

Ну жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ

Французы двинулись, какъ тучи,

И все на нашъ редутъ.

Уланы съ пестрыми значками,

Драгуны съ конскими хвостами—

²⁾ Лафетъ—станокъ подъ пушкой.

³⁾ Бивакъ—временная стоянка войска во время похода.

Наполеонъ видимо растерялся и не зналъ, что дѣлать. Онъ обращался за совѣтами къ приближеннымъ, чего раньше никогда не дѣлалъ. Давалъ распоряженія и тотчасъ отмѣнялъ. Гордый побѣдитель—онъ привыкъ видѣть сотни, тысячи плѣнныхъ, отбитыя орудія, знамена. Но ничѣмъ подобнымъ не радовало его орлиный взглядъ Бородинское сраженіе. И всѣ извѣстія съ поля битвы сводились къ одному: „русскіе стоятъ непоколебимо“.

Наполеонъ самъ поѣхалъ на передовыя линіи и видѣлъ эту стѣну русскихъ солдатъ, отражавшихъ всѣ атаки. Вернулся онъ „съ краснымъ лицомъ, всклокоченными въ беспорядкѣ волосами и усталымъ видомъ“.

Къ вечеру бой сталъ ослабѣвать и наконецъ затихъ совсѣмъ и снова ночь опустилась на поле, теперь покрытое горами кровавыхъ тѣлъ, изрытое ядрами.

Въ бородинскомъ сраженіи участвовало со стороны русскихъ 103.000 чел., число французовъ точно не извѣстно, но не меньше 130—140 тыс.

Потери съ обѣихъ сторонъ были огромны: у русскихъ—50.000, у французовъ—60.000.

Рано утромъ 27 августа русская армія отодвинулась къ Можайску.

Бородинское сраженіе не было побѣдой ни русскихъ ни французовъ.

Но русскимъ оно показало, что борьба съ французами возможна и что русская мощь рано или поздно побѣдитъ врага.

Наполеонъ же понялъ, что „рѣшительная битва“ ничего еще не рѣшила, что война, настоящая народная война, только еще начинается. Французскія войска были поражены, подавлены могучимъ сопротивленіемъ русскихъ и начали со страхомъ думать о будущемъ. Русскіе были въ своей странѣ, могли постоянно возобновить войско. Французы оказались далеко заброшенными отъ родины и силы ихъ таяли.

Бородино—роковой моментъ, съ котораго начинается паденіе Наполеона.

Генералу Беннигсену было поручено найти позицію для новаго сраженія; 1 сентября главнокомандующій и всѣ командиры собрались на Поклонной, чтобы осмотрѣть выбранное мѣсто. По общему оно признано неудачнымъ и русская армія рисковала поражениемъ.

Что было дѣлать? Отступать дальше значило отдать францу-

Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колотъ устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала,
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значить русский бой удалый,
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу, кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой.
Вотъ смерлось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди въ наше время,
Могучее лихое племя,
Богатыри—не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Не многіе вернулись съ поля,
Когда-бъ на то не Божья воля
Не отдали-бъ Москвы!

М. Ю. Лермонтовъ.

Къ тѣни полководца.

Передъ гробницею святой
Стою съ пониженою главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

замъ Москву. Дать сраженіе—потерять армию, отъ которой послѣ Бородине и такъ осталось не больше половины.

Въ тотъ же день вечеромъ Кутузовъ собралъ военный совѣтъ въ селѣ Филяхъ. Генералы собрались въ простой крестьянской избѣ. Это были: Барклай-де-Толли, Дохтуровъ, гр. Остерманъ, Конавицынъ, Ермоловъ, Кайсаровъ, Толь, Раевскій, Бенитсенъ и Уваровъ.

Голоса раздѣлились. Но большинство изъ нихъ было всетаки за сраженіе. Предлагалось самимъ перейти въ атаку. Даже принять бой въ самой Москвѣ. Никто не рѣшался высказаться за оставленіе Первопрестольной столицы. Самая мысль объ этомъ страшила каждого.

Главкомандующій слушалъ, молча, глубоко задумавшись. Всѣ ждали: что онъ скажетъ. Наконецъ Кутузовъ заговорилъ: „Съ потерю Москвы не потеряна Россія. Первою обязанностью поставлю сохранить армию и сблизиться съ войсками, идущими къ намъ на подкрѣпленіе. Самымъ уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель неприятелю. Изъ Москвы я намѣренъ идти по рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣтственность обрушится на меня, но жертвую собой для блага отечества“.

И потомъ, поднявшись со стула, сказалъ рѣшительно: „Приказываю отступать“.

Кутузовъ былъ правъ, говоря, что на него „обрушится отвѣтственность“. Въ первое время всѣ осуждали его за этотъ шагъ и онъ вызвалъ недовольство самого Государя. Но мужественный старецъ думалъ не о себѣ, а о судьбахъ Россіи, родины. Онъ понималъ лучше другихъ, что Москва для Наполеона и его войскъ—ловушка, а русская армія тѣмъ временемъ отдохнетъ, оправится, обучить новобранцевъ и ополченцевъ и съ новыми силами двинется на ослабѣшаго врага. Такъ оно и случилось.

Кутузовъ повторялъ не разъ, что онъ заставилъ турокъ въ послѣднюю войну ѣсть падаль и лошадиное мясо и что французъ ждетъ та же судьба.

Узнавъ объ отступленіи русскихъ, Наполеонъ пришелъ въ восторгъ. Наконецъ-то осуществилась его мечта: Москва въ его рукахъ. Конечно, Александръ I сейчасъ же начнетъ переговоры о мирѣ и война съ Россіей увѣнчается великаго полководца новыми лаврами побѣды.

Съ высоты Поклонной горы, 2 сентября, онъ долго любовался видомъ раскинувшейся внизу русской столицы.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоёмъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русский гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и спасъ...

А. С. Пушкинъ.

Ворона и курица.

Когда Смоленскій князь,
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сѣтъ поставилъ
И на гибель имъ Москву оставилъ.
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собрались
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялись,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу,
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
„А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?
Ей съ возу курица кричитъ.—
Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ“.
— „Мнѣ что до этого за дѣло?—
Вѣщуныя ей въ отвѣтъ.—Я здѣсь
останусь смѣло;
Вотъ, ваши сестры—какъ хотятъ:
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ;
Такъ мнѣ съ гостями не мудрено ужиться,
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркою, иль косточкой, иль чѣмъ нибудь.“

— Вотъ, наконецъ, этотъ славный городъ,—произнесъ онъ восторженно и черезъ нѣсколько минутъ прибавилъ: давно пора. Кругомъ его гремѣли радостные клики войска: „Москва Москва“.

Онъ сталъ разсматривать карту города и приказалъ свитѣ:

— Приведите бояръ.

Но прошелъ часъ, другой, а никакой депутаціи отъ Москвы не являлось. Вернувшіеся посланные узнали истину, но боялись доложить о ней Наполеону. Москва была пуста: жители ее покинули.

Не дождавшись депутаціи, Наполеонъ приказалъ войскамъ двигаться къ городу и занять его. Первымъ вошелъ корпусъ Мюрата. Офицеры и солдаты съ изумленіемъ смотрѣли на покинутые дома, лавки, магазины. Улицы были пустыни, нигдѣ ни души.

Только у Никольскихъ воротъ въ Кремль, 500 вооруженныхъ жителей взялись защищать соборы и царскіе чертоги. Ихъ разсѣяли пушечными выстрѣлами.

Видя никѣмъ не охраняемые лавки и магазины, голодные, обносившіеся солдаты бросились грабить.

Грабили не одни солдаты, но и офицеры, даже генералы. Остановить эти безчинства было уже невозможно. Каждый считалъ городъ своею добычею, спѣшилъ наѣсться, напиться, утащить, что поцѣннѣе.

Въ тотъ же день вспыхнули пожары. Запылалъ москательный рядъ, а за нимъ огонь охватилъ и весь Китайскій городъ.

Грабежи все усиливались. Солдаты выходили изъ повиновенія начальникамъ и не возвращались къ мѣсту сбора своихъ частей.

Тщетно прождавъ депутацію у Дорогомиловской заставы Наполеонъ не вѣхалъ въ городъ, а остановился на постояломъ дворѣ.

Только 3 сентября въ 6 час. утра поѣхалъ въ Кремль. Едва вступилъ онъ во дворецъ, вспыхнули Каретный рядъ и гостинный дворъ.

Вечеромъ поднялся сильный вѣтеръ и мѣстами Москва представляла уже море огня.

Наполеонъ вышелъ на балконъ дворца и долго смотрѣлъ на грозное зрѣлище. „Какая чрезвычайная рѣшительность“,—воскликнулъ онъ.—„Что за страна! Что за народъ!“

Вмѣсто ожидаемаго отдыха и успокоенія послѣ труднаго похода, Москва приготовила незванымъ гостямъ ужасную встрѣчу

Прощай, хохлаточка, счастливый путь!
Ворона, подлинно, осталась;
Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и
глупъ;
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься,
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься,—
Попался, какъ ворона, въ супъ! *)

И. А. Крыловъ.

*) Настоящая басня рисуетъ бѣдствен. положеніе французовъ въ Москвѣ отъ голода.

Волкъ на псарнѣ ¹⁾.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на
драку.

Псари кричатъ: „Ахти, ребята, воръ!“
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
„Огня,—кричатъ,—огня!“ Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ за-
домъ,
Зубами шелкая и ошетины шерсть,

¹⁾ Въ этой баснѣ изображается стѣсненное положеніе Наполеона послѣ занятія Москвы и его попытки вступить въ переговоры съ Кутузовымъ, представленнымъ въ образѣ стараго ловчаго. Рассказываютъ, что Кутузовъ прочиталъ эту басню собравшимся вокругъ него послѣ сраженія при Красномъ офицерамъ и при словахъ: „ты сѣрь, а я, пріятель, сѣдъ“... снялъ фуражку, потрясая своею сѣдою головою и тѣмъ какъ бы намекая на свое сходство съ ловчимъ. Слова: „ты сѣрь“ намекаютъ, отчасти, на сѣрый походный сюртукъ Наполеона.

Пожаръ наконецъ приблизился къ самому Кремлю, гдѣ стояло 400 зарядныхъ ящиковъ артиллеріи.

Вѣтеръ заносилъ сюда искры и головни. Каждое мгновеніе можно было ожидать страшнаго взрыва. Приближенные убѣдили Наполеона покинуть Кремль. Съ большимъ трудомъ, едва не погибнувъ самъ отъ огня, Наполеонъ выбрался изъ полосы пожаровъ и помѣстился въ Петровскомъ дворцѣ.

Сначала Наполеонъ хотѣлъ сохранить Москву для размѣщенія своихъ войскъ, но борьба съ пожарами оказалась невозможной, нельзя было остановить и грабежей и самъ императоръ французовъ разрѣшилъ принять участіе въ грабежѣ и тѣмъ войскамъ, которыя стояли около города и завидовали ваходящимся внутри Москвы.

Святныя церкви повсюду были осквернены. Изъ нихъ сдѣлали конюшни, казармы, мясные лавки.

Не оставлены были и святыни Кремля. Въ Успенскомъ соборѣ вмѣсто паникадила висѣли вѣсы, на которыхъ взвѣшивалось награбленное серебро и золото переплавленное въ слитки.

Мощи св. Филарета были выброшены на помость. Всѣ цѣнныя украшения были содраны до самаго купола.

Въ Архангельскомъ соборѣ валялись разбитыя бочки отъ вина и разная рухлядь.

Въ алтарѣ Казанскаго собора на мѣстѣ выброшеннаго престола валялся трупъ лошади.

Маршалъ Даву, пріѣзжая съ докладами въ Кремль, ночевалъ въ придѣлѣ главнаго храма Чудова Монастыря.

На полу церквей разводили костры, на престолахъ обѣдали.

Наконецъ Наполеонъ догадался, что, оскорбляя вѣру русскихъ, только озлобляетъ ихъ; дѣлаетъ все болѣе невозможнымъ примиреніе.

1 октября, въ первый разъ со времени занятія Москвы непріателемъ, раздался благовѣстъ съ колокольной Рождественскаго монастыря.

Къ концу мѣсяца Наполеонъ началъ серьезно помышлять о мирныхъ переговорахъ. Ожиданія его не оправдались: Александръ I не заговорилъ первый о мирѣ и послѣ взятія русской столицы. Это презрительное и грозное молчаніе волновало Наполеона, не давало ему спать, доводило до неистоваго гнѣва, который смѣнялся невольнымъ страхомъ за будущее. Вотъ онъ въ Москвѣ, во дворцѣ русскихъ царей, среди вѣковыхъ святынь Россіи. Но никто

Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть.

Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчестся за овецъ,
Пустился мой хитрецъ

Въ переговоры
И началъ такъ: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?“

Я, вашъ старинный свать и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, усталимъ общій ладъ;
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,

Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я“...—„Послушай-ка, сосѣдъ,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:—
Ты сѣрь, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю,
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой“.
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

И. А. Крыловъ.

Обозъ ¹⁾.

Съ горшками шель обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.

¹⁾ Въ образѣ добраго коня, вынесшаго на своемъ крестцѣ тяжелый возъ, изображенъ Кутузовъ и его осторожныя дѣйствія противъ арміи Наполеона; исподволь завлекая врага вглубь Россіи и сберегая силы своей арміи, Кутузовъ наѣменно уклонялся отъ рѣшительной битвы и тѣмъ самымъ обезпечилъ побѣду русскихъ.

не идетъ просить у него пощады, никто даже не говоритъ съ нимъ въ этой странѣ, которую онъ кровно оскорбилъ своимъ нашествіемъ.

Между тѣмъ дисциплина во французскихъ войскахъ все слабѣла. Люди не поправлялись на отдыхѣ. Лошади попрежнему были худы и изнурены. Уже наступали въ тотъ годъ ранніе холода. Теплой одежды у солдатъ не было. Оставаться зимовать въ Москвѣ было невозможно. Наконецъ и русскіе могли отрѣзать непріятелю путь къ родинѣ.

Къ 1 октября у Наполеона созрѣло рѣшеніе покинуть Москву. Въ началѣ онъ думалъ грозить Петербургу, но скоро оставилъ эту нелѣпую мысль. Тогда онъ предположилъ пробиться въ южныя плодородныя губерніи и тамъ перезимовать. Главное, что пугало Наполеона, чего онъ хотѣлъ всѣми силами избѣжать—это возвращеніе по старой Смоленской дорогѣ, по сплошь разоренному краю.

Войскамъ было приказано выйти изъ Москвы и стать около нея лагеремъ. Но передъ окончательнымъ выступленіемъ Наполеонъ велѣлъ Мюрату напасть на русскихъ, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ движенія главной арміи. Кутузовъ съ своей стороны перешелъ въ наступленіе. Мюратъ 6 октября былъ разбитъ наголову около Тарутина.

Уходя изъ Москвы, Наполеонъ полный ненависти и злобы, велѣлъ взорвать Кремль. Но къ счастью изъ подложенныхъ минъ взорвались только пять, что причинило ничтожныя обвалы стѣнъ.

Послѣ тарутинскаго боя Кутузовъ, узнавъ, что французы покидаютъ Москву истово перекрестился и воскликнулъ:

— Россія спасена.

За французской арміей потянулись огромные обозы награбленнаго добра. Наполеонъ велѣлъ снять золотой крестъ съ колокольной Ивана Великаго и хотѣлъ его отвезти въ Парижъ. Крестъ этотъ исчезъ. Вѣроятно онъ былъ съ другими вещами потопленъ въ одномъ озерѣ при бѣгствѣ французскихъ войскъ.

Отвлечь вниманіе Кутузова отъ истиннаго пути, избраннаго Наполеономъ для отступленія, не удалось. Старый опытный полководецъ и стратегъ ясно видѣлъ намѣреніе императора французовъ и рѣшилъ воспрепятствовать ему всѣми силами свернуть на югъ въ области, еще неразрушенныя войною.

А французы страшно нуждались и въ теплой одеждѣ и въ провіантѣ. „Великая армія“ имѣла жалкій видъ. Нѣкоторые полки прямо состояли изъ оборванцевъ. Эти люди везли и несли съ со-

Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;

А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:

„Ай, конь хваленый, то-то диво!

Смотрите: лѣпится какъ ракъ;

Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо!
криво!

Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!

А тутъ бы влѣво лишь принять...

Какой оселъ! Добро бы было въ гору

Или въ ночную пору,

А то и подъ гору и днемъ!

Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!

Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ
умѣнья!

Глядитко насъ, какъ мы махнемъ!

Не бойсь минуты не потратимъ

И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!

Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,

Тронулась лошадка съ возомъ въ путь;

Но только подъ гору она перевалилась,

Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:

Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ,

Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ

На славу;

По камнямъ, рывинамъ пошли толчки,

Скачки,

Лѣвѣй, лѣвѣй—и съ возомъ бухъ въ канаву!

Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:

Все кажется въ другомъ ошибкой намъ,

А примешься за дѣло самъ,

Такъ напраказишь вдвое хуже.

И. А. Крыловъ.

Щука и котъ ¹⁾.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,

А сапоги тачать пирожникъ:

И дѣло не пойдетъ на ладъ,

Да и примѣчено стократъ,

Что кто за ремесло чужое браться любить,

Тотъ всегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй,—

Онъ лучше дѣло все погубитъ

И радъ скорѣй

Посмѣшимъ стать свѣта,

Чѣмъ у честныхъ и знающихъ люлей

Спросить или выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мыслѣ пришло

За кошачье принятьсь ремесло.

Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,

Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ,

Но только вздумала кота она просить,

Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту—

Мышей въ амбарѣ половить!

„Да, полно, знаешь-ли ты эту, свѣтъ, работу?—

Сталь щукѣ Васяка говорить.—

Смотри, кума, чтобы не осрамиться:

Не даромъ говорится,

Что дѣло мастера боится“.

—„И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль,—мышей!

Мы лавливали и ершей“.

—„Такъ въ добрый часъ пойдемъ!“

Пошли, засѣли.

Натѣшился, наѣлся котъ

И кумушку провѣдать онъ идетъ,

А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,

И крысы хвостъ у ней отѣли.

Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,

¹⁾ Въ этой баснѣ изображены неудачныя военныя дѣйствія адмирала Чичагова противъ Наполеона въ 1812 г. при переправѣ послѣдняго черезъ Березину.

бою богатую добычу, а нуждались въ самомъ необходимомъ.

Пробраться въ хлѣбородныя губерніи было бы благодатью для этихъ голодныхъ полчищъ. Но „старая лисица Сѣвера“—Кутузовъ вышелъ изъ продолжительнаго бездѣйствія и со свѣжей арміей, насчитывающей уже около 100.000 чел. и пылающей жаждой возмездія врагу за сожженную и оскверненную Москву, спѣшно двинулся во слѣдъ французамъ.

Наполеонъ занялъ Малоярославецъ. Русскіе подошли 11 октября туда же и закипѣлъ страшный, кровопролитный бой. Французы, чувствуя себя въ положеніи раненаго звѣря въ облавѣ, дрались съ ожесточеніемъ. Русскіе наконецъ дорвались до боя съ ненавистнымъ врагомъ и не щадили жизней своихъ, бросаясь неустрашимо на ряды непріятеля. Малоярославецъ переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки и къ ночи половина города была въ рукахъ русскихъ, половина—французовъ. Потери съ обѣихъ сторонъ исчисляются въ 12.000 чел.

Кутузовъ, однако, не продолжалъ боя, но сберегая силы арміи, отступилъ, преградивъ Наполеону окончательно дорогу на Калугу. Великій полководецъ видимо смутился. Онъ какъ бы почувствовалъ близость конца и не искалъ сраженія съ русскими. Онъ долго колебался, какую выбрать дорогу и наконецъ рѣшилъ идти на Смоленскъ, обрекая армію на голодъ и нестерпимую нужду въ совершенно разоренномъ краѣ.

Вскорѣ до Наполеона дошелъ слухъ, что войска Кутузова его обходятъ. Въ то же время пришли нерадостныя вѣсти и съ тыла. Русскіе взяли Каменецъ-Подольскъ и Полоцкъ. Наполеонъ приказалъ идти форсированнымъ маршемъ.

Около Вязьмы, 22-го октября, русскіе настигли непріятеля. Французы были вновь разбиты. Перновскій и Бѣлозерскій полки ворвались въ городъ съ музыкой и распущенными знаменами.

Положеніе Наполеона послѣ боя при Вязьмѣ стало еще затруднительнѣе. Русскіе уже заняли Витебскъ. Наперерѣзъ подошла къ рѣкѣ Березинѣ Дунайская армія подъ командой адмирала Чичагова. Сзади наслѣдала армія Кутузова.

Слѣдовало остановиться и дать бой русскимъ, чтобы охладить ихъ наступательный пылъ, но Наполеонъ не могъ рѣшиться атаковать Кутузова.

Наполеонъ рѣшилъ сосредоточить всѣ войска въ Смоленскѣ. Предполагалось, что тамъ имѣются обильные запасы и армія сможетъ хоть сколько нибудь оправиться.

Безостановочное движеніе не только утомило до крайности солдатъ, но распатало дисциплину. На каждомъ переходѣ люди гибли тысячами. Бросались обозы, орудія. Непокоянные лошади выбивались изъ силъ и падали. Солдаты ѣли конину, даже ловили на пищу собакъ въ опустѣвшихъ деревняхъ. Одежда пришла въ полную ветхость. Чтобы защитить себя отъ холода войны „великой арміи“ одѣвали что попало: женскую одежду, кацавейки, даже ризы священниковъ. Имѣвшій валенки или полушубокъ считался счастливецомъ.

Смоленскъ не оправдалъ надеждъ французовъ. Запасовъ въ немъ оказалось очень мало, такъ что едва хватило для одной гвардіи. Остальныя войска даже не вводили въ городъ и они разграбили жалкіе остатки провіанта въ магазинахъ.

Въ то же время морозъ достигъ 10°. Земля покрылась гололедей. Наполеонъ и его свита вошли 28 октября въ Смоленскъ пѣшкомъ, потому что лошади неподкованныя по зимнему на шипы, скользили и падали:

Оставаться въ Смоленскѣ было невозможно. Арміи грозила гибель отъ голода и холода. Кругомъ окрестности кишѣли партизанами, Кутузовъ пришелъ уже къ Ельнѣ.

31 октября Наполеонъ приказалъ выступить на Оршу.

3 ноября французы пришли къ Красному. Здѣсь три дня съ 4 по 6-е длился бой. Русскіе всюду разбивали французовъ. Множество ихъ взято было въ плѣнъ. Они теряли обозы и орудія.

Черезъ Дняпръ переправились лишь жалкіе остатки „Великой арміи“ вмѣстѣ съ своимъ великимъ полководцемъ.

Нечего уже было думать о сраженіи, приходилось спасаться бѣгствомъ пока не поздно.

Наполеонъ попалъ въ роковой треугольникъ. Его преслѣдовала армія Кутузова. Съ сѣвера грозилъ корпусъ Витгенштейна. За Березиной стояла армія Чичагова.

Казалось спасенія не было и грозилъ позорный плѣнъ.

Но гений Наполеона выручилъ его еще разъ, но на короткое время. Звѣзда завоевателя закатилась и Россіи и русскаго народа онъ сломить не могъ.

Дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій состоялъ лишь въ полномъ разгромѣ остатковъ арміи. 24 нояб. Наполеонъ тайно уѣхалъ отъ арміи, не оставивъ никакихъ распоряженій. Такъ кончился тяжелый славный годъ.

Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

И дѣльно! Это, шука,

Тебѣ наука:

Впередъ умнѣе быть и за мышами не ходить!..

И. А. Крыловъ.

Изъ романа „Война и Миръ“, Л. Н. Толстого.

Молебень на Бородинскомъ полѣ.

Изъ-подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота съ святыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе. Безъ шапокъ бѣжали навстрѣчу идущимъ солдатамъ и ополченцы.

— Матушку несутъ! Заступницу... Иверскую!..

— Смоленскую Матушку, поправилъ другой.

Ополченцы и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали навстрѣчу церковному шествію. За баталіономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, одинъ старичокъ въ клобукѣ съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, съ чернымъ ликомъ, въ окладѣ, икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконой, кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ шли, бѣжали кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дѣячки зажгли вновь кадила, и начался молебень. Жаркіе лучи били отвѣсно сверху; слабый свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе негромко раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа, съ открытыми головами, офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника и дѣячка, на очищенномъ мѣстѣ, стояли чиновные люди. Какъ только уставшіе дѣячки начали пѣть: „Спаси отъ бѣды рабы Твоя, Богородице“, и священникъ и дѣячокъ подхватывали: „яко всѣ по Божѣ къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству“, на всѣхъ лицахъ вспыхивало выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, и чаще опускались головы, встряхивались волосы, и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ.

Толпа, окружавшая икону, вдругъ раскрылась. Кто-то, вѣроятно, очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которой передъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ.

Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позицію. Онъ подошелъ къ молебну.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ, съ сутуловатой спиной, съ открытой бѣлой головой и съ вытекшимъ бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своею ныряющею, раскачивающеюся походкой въ кругъ и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ до земли и, тяжело вздохнувъ, опустил свою сѣдую голову. За Кутузовымъ были Беннигсенъ и свита. Несмотря на присутствіе главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Когда кончился молебень, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣни, кланяясь въ землю, и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій. Наконецъ онъ всталъ, приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры, а за ними, давая другъ друга, тотчасъ, пыхтя и толкаясь, съ взволнованными лицами полѣзли солдаты и ополченцы.

Бородинское сраженіе.

XXX.

Вернувшись отъ князя Андрея въ Горки, Пьеръ, приказавъ берейтору приготовить лошадей и рано утромъ разбудить его, тотчасъ же заснулъ за перегородкой, въ уголѣ, который Борисъ уступилъ ему.

Когда Пьеръ очнулся на другое утро, въ избѣ уже никого не было. Стекла дребезжали въ маленькихъ окнахъ. Берейторъ стоялъ, расталкивая его.

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство, ваше сіятельство... — упорно, не глядя на Пьера и, видимо, потерявъ надежду разбудить его, раскачивая за плечо, приговаривалъ берейторъ.

— Что? Началось? Пора? — заговорилъ Пьеръ, проснувшись.

— Изволите слышать пальбу, — сказалъ берейторъ, отставной солдатъ, — уже всѣ господа повышли, сами свѣтлѣйшіе давно проѣхали.

Пьеръ поспѣшно одѣлся и выбѣжалъ на крыльцо. На дворѣ было ясно, свѣжо, росисто и весело. Солнце, только что вырвавшись изъ-за тучи, заслонявшей его, брызнуло до половины переломленными тучей лучами черезъ крыши противоположной улицы на покрытую росой пылью дороги, на стѣны домовъ, на окна забора и на лошадей Пьера, стоявшихъ у избы. Гулъ пушекъ яснѣе слышался на дворѣ. По улицѣ прорысиль адъютантъ съ казакомъ.

— Пора, графъ, пора! — прокричалъ адъютантъ.

Приказавъ вести за собой лошадь, Пьеръ пошелъ по улицѣ къ кургану, съ котораго онъ вчера смотрѣлъ на поле сраженія. На курганѣ этомъ была толпа военныхъ, и слышался французскій говоръ штабныхъ, и видѣлась сѣдая голова Кутузова съ его бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкой и сѣдымъ затылкомъ, утонувшимъ въ плечи. Кутузовъ смотрѣлъ въ трубу впередъ по большой дорогѣ.

Войдя по ступенькамъ входа на курганъ, Пьеръ взглянулъ впереди себя и замеръ отъ восхищенія передъ красотою зрѣлища. Это была та же панорама, которую онъ любовался вчера съ этого кургана; но теперь вся эта мѣстность была покрыта войсками и дымами выстрѣловъ, и косые лучи яркаго солнца, поднимавшагося сзади лѣвѣе Пьера, кидали на нее въ чистомъ утреннемъ воздухѣ пронизывающій съ золотымъ и розовымъ оттѣнкомъ свѣтъ и темныя длинныя тѣни. Дальніе лѣса, заканчивающіе панораму, точно высѣченные изъ какого-то драгоцѣннаго желто-зеленаго камня, видѣлись своей изогнутой чертой вершинъ на горизонтѣ, и между ними за Валуевымъ прорѣзывалась большая Смоленская дорога, вся покрытая войсками. Ближе блестяли золотыя поля и перелѣски. Вездѣ — спереди, справа и слѣва — видѣлись войска. Все это было оживленно, величественно и неожиданно; но то, что болѣе всего поразило Пьера, — это былъ видъ самаго поля сраженія, Бородина и долины надъ Колочею, по обѣимъ сторонамъ ея.

Надъ Колочею, въ Бородинѣ и по обѣимъ сторонамъ его, особенно влѣво, тамъ, гдѣ въ болотистыхъ берегахъ Война впадаетъ въ Колочу, стоялъ тотъ туманъ, который таетъ, расплывается и просвѣчиваетъ при выходѣ яркаго солнца и волшебю окрашиваетъ и очерчиваетъ все виднѣющееся сквозь него. Къ этому туману присоединился дымъ выстрѣловъ, и по этому туману и дыму вездѣ блестяли молніи утренняго свѣта то по водѣ, то по росѣ, то по штыкамъ войскъ, толпившихся по берегамъ и въ Бородинѣ. Сквозь туманъ этотъ видѣлась бѣлая церковь, кое-гдѣ крыши изъ Бородина, кое-гдѣ сплошныя массы солдатъ, кое-гдѣ зеленые ящики, пушки. И все это двигалось или казалось движущимся, потому что туманъ и дымъ тянулись по всему этому пространству. Какъ въ этой мѣстности низовъ около Бородина, покрытыхъ туманомъ, такъ и вѣи его, выше и особенно лѣвѣе, по всей линіи, по лѣсамъ, по полямъ, въ низахъ, на вершинахъ возвышеній, зарождались безпрестанно сами собой изъ ничего пушечные, то одинокіе, то гуртовые, то рѣдкіе, то частые клубы дымовъ, которые, распухая, разрастаясь, клубясь, сливаясь, видѣлись по всему этому пространству.

Эти дымы выстрѣловъ и, странно сказать, звуки ихъ производили главную красоту зрѣлища.

Пуффъ! — вдругъ видѣлся круглый, плотный, играющій лиловымъ, сѣрымъ и молочно-бѣлымъ цвѣтами дымъ, и буммъ! — раздавался черезъ секунду звукъ этого дыма.

Пуффъ, пуффъ! поднимались два дыма, толкаясь и сливаясь; и буммъ, буммъ! — подтверждали звуки то, что видѣлъ глазъ.

Пьеръ оглядывался на первый дымъ, который онъ оставилъ округлымъ, плотнымъ мячикомъ, и уже на мѣстѣ его были шары дыма, тянущагося въ сторону; и „пуффъ... (съ остановкой) пуффъ, пуффъ!“ — зарождались еще три, еще четыре, и на каждый съ тѣми же разстановками „буммъ... буммъ, буммъ!“ — отвѣчали красивые, твердые, вѣрные звуки. Казалось то, что дымы эти бѣжали, то, что они стояли, и мимо нихъ бѣжали лѣса, поля и блестящіе штыки. Съ лѣвой стороны по полямъ и кустамъ безпрестанно зарождались эти большіе дымы съ своими торжественными отголосками, и ближе еще по низамъ и лѣсамъ вспыхивали маленькіе, не успѣвшіе округляться, дымки ружей и точно такъ же давали свои маленькіе отголоски. „Трахъ-та-та-тахъ“, трещали ружья хотя и часто, но неправильно и бѣдно въ сравненіи съ орудійными выстрѣлами.

Пьеру захотѣлось быть тамъ, гдѣ были эти дымы, эти блестящіе штыки, это движеніе, эти звуки. Онъ оглянулся на Кутузова и на его свиту, чтобы свѣрить свое впечатлѣніе съ другими. Всѣ точно такъ же, какъ и онъ, и, какъ ему казалось, съ тѣми же чувствомъ смотрѣли впередъ на поле сраженія. На всѣхъ лицахъ свѣтилась теперь та скрытая теплота (chaleur latente) чувства, кото-

рое Пьеръ замѣчалъ вчера и которое онъ понялъ совершенно послѣ своего разговора съ княземъ Андреемъ.

— Поѣзжай, голубчикъ, поѣзжай, Христосъ съ тобой,—говорилъ Кутузовъ, не спуская глазъ съ поля сраженія, генералу, стоявшему подлѣ него.

Выслушавъ приказаніе, генераль этотъ прошелъ мимо Пьера къ сходу съ кургана.

— Къ переправѣ!—холодно и строго сказалъ генераль въ отвѣтъ на вопросъ одного изъ штабныхъ, куда онъ ѣдетъ.

„И я, и я“, подумалъ Пьеръ и пошелъ по направленію за генераломъ.

Генераль сѣдился на лошадь, которую подаль ему казакъ. Пьеръ подошелъ къ своему берейтору, державшему лошадей. Спросивъ, которая помирнѣе, Пьеръ взлѣзъ на лошадь, схватился за гриву, прижалъ каблукъ вывернутыхъ ногъ къ животу лошади и, чувствуя, что очки его спадаютъ и что онъ не въ силахъ отнять рукъ отъ гривы и поводьевъ, поскакалъ за генераломъ, возбуждая улыбки штабныхъ, съ кургана смотрѣвшихъ на него.

XXXI.

Генераль, за которымъ скакалъ Пьеръ, спустившись подъ гору, круто повернулъ влѣво, и Пьеръ, потерявъ его изъ вида, вскакалъ въ ряды пѣхотныхъ солдатъ, шедшихъ впереди его. Онъ пытался выѣхать изъ нихъ то впереди, то влѣво, то вправо; но вездѣ были солдаты, съ одинаково-озабоченными лицами, занятыми какимъ-то невиднымъ, но, очевидно, важнымъ дѣломъ. Всѣ съ одинаково недовольно-вопросительнымъ взглядомъ смотрѣли на этого толстаго человѣка въ бѣлой шляпѣ, неизвѣстно для чего топчущаго ихъ своею лошадью.

— Чего ѣздить посреди батальона,—крикнулъ на него одинъ.

Другой толкнулъ прикладомъ его лошадь, и Пьеръ, прижавшись къ луку и едва удерживая шарахнувшуюся лошадь, выскакалъ впередъ солдатъ, гдѣ было просторно.

Впереди его былъ мостъ, а у моста, стрѣлая, стояли другіе солдаты. Пьеръ подѣхалъ къ нимъ. Самъ того не зная, Пьеръ заѣхалъ къ мосту черезъ Колочу, который былъ между Горками и Бородинымъ и который въ первомъ дѣйстви сраженія (занявъ Бородино) атаквали французы. Пьеръ видѣлъ, что впереди его былъ мостъ и что съ обѣихъ сторонъ моста и на томъ лугу, въ рядахъ лежащаго сѣна, котораго онъ не замѣтилъ вчера въ дыму, что-то дѣлали солдаты; но, несмотря на неумолкающую стрѣльбу, происходившую въ этомъ мѣстѣ, онъ никакъ не думалъ, что тутъ-то и было поле сраженія. Онъ не слышалъ звуковъ пулъ, визжавшихъ со всѣхъ сторонъ, и снарядовъ, перелетавшихъ черезъ него; не видалъ непріятеля, бывшаго на той сторонѣ рѣки, и долго не видалъ убитыхъ и раненыхъ, хотя многіе падали недалеко отъ него. Съ улыбкой, не сходявшей съ его лица, онъ оглядывался вокругъ себя.

— Что ѣздить этотъ передъ линіей?—опять крикнулъ на него кто-то.

— Влѣво, вправо возьми...—кричали ему.

Пьеръ взялъ вправо и неожиданно сѣхался съ знакомымъ ему адъютантомъ генерала Раевского. Адъютантъ этотъ сердито взглянулъ на Пьера, очевидно собираясь тоже крикнуть на него, но, узнавъ его, кивнулъ ему головой.

— Вы какъ тутъ?—проговорилъ онъ и поскакалъ дальше.

Пьеръ, чувствуя себя не на своемъ мѣстѣ и безъ дѣла, боясь опять помѣшать кому-нибудь, поскакалъ за адъютантомъ.

— Это здѣсь что же? Можно мнѣ съ вами?—спрашивалъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣчалъ адъютантъ и, подскакавъ къ толстому полковнику, стоявшему на лугу, что-то передалъ ему и тогда уже обратился къ Пьеру.

— Вы зачѣмъ сюда попали, графъ?—сказалъ онъ ему съ улыбкой.—Все любопытствуете?

— Да, да,—сказалъ Пьеръ.

Но адъютантъ, повернувъ лошадь, ѣхалъ дальше.

— Здѣсь-то слава Богу,—сказалъ адъютантъ,—но на лѣвомъ флангѣ у Багратиона ужасная жарня идетъ.

— Неужели?—спросилъ Пьеръ.—Это гдѣ же?

— Да вотъ поѣдѣте со мной на курганъ. Отъ насъ видно.

А у насъ на батарее еще сносно,—сказалъ адъютантъ.

— Да, я съ вами,—сказалъ Пьеръ, глядя вокругъ себя и отыскивая глазами своего берейтора.

Тутъ только въ первый разъ Пьеръ увидалъ раненыхъ, бредущихъ пѣшкомъ и несомыхъ на носилкахъ. На томъ самомъ лужкѣ съ пахучими рядами сѣна, по которымъ онъ проѣзжалъ вчера, поперекъ рядовъ, неловко подвернувъ голову, неподвижно лежалъ одинъ солдатъ съ свалившимся киверомъ.

— А этого отчего не подняли?—началъ было Пьеръ; но, уви-

давъ строгое лицо адъютанта, оглянувшись въ ту же сторону, онъ остановился.

Пьеръ не нашелъ своего берейтора и вмѣстѣ съ адъютантомъ низомъ поѣхалъ по лощинѣ къ кургану Раевского. Лошадь Пьера отставала отъ адъютанта и равномерно встряхивала его.

— Вы, видно, не привыкли верхомъ ѣздить, графъ?—спросилъ адъютантъ.

— Нѣтъ, ничего; но что-то она прыгаетъ очень,—съ недоумѣніемъ сказалъ Пьеръ.

— Э-э!.. да она ранена,—сказалъ адъютантъ:—правая передняя, выше колѣна. Пуля, должно быть. Поздравляю, графъ,—сказалъ онъ,—le baptême du feu¹⁾.

Проѣхавъ къ дыму по шестому корпусу, позади артиллеріи, которая, выдвинутая впередъ, стрѣляла, оглушая своими выстрѣлами, они пріѣхали къ небольшому лѣсу. Въ лѣсу было прохладно, тихо и пахло осенью. Пьеръ и адъютантъ слѣзли съ лошадей и пѣшкомъ вошли на гору.

— Здѣсь генераль?—спросилъ адъютантъ, подходя къ кургану.

— Сейчасъ были, поѣхали сюда,—указывая вправо, отвѣчали ему.

Адъютантъ оглянулся на Пьера, какъ бы не зная, что ему теперь съ нимъ дѣлать.

— Не беспокойтесь,—сказалъ Пьеръ.—Я пойду на курганъ, можно?

— Да, пойдите, оттуда все видно и не такъ опасно. А я заѣду за вами.

Пьеръ пошелъ на батарею, и адъютантъ поѣхалъ дальше. Больше они не видались, и уже гораздо послѣ Пьеръ узналъ, что этому адъютанту въ этотъ день оторвало руку.

Курганъ, на который взойшелъ Пьеръ, былъ то знаменитое (потомъ извѣстное у русскихъ подъ именемъ кургановой батареи или батареи Раевского, а у французовъ подъ именемъ la grande redoute, la fatale redoute, la redoute du centre²⁾) мѣсто, вокругъ котораго положены десятки тысячъ людей и которое французы считали важнейшимъ пунктомъ позиціи.

Редутъ этотъ состоялъ изъ кургана, на которомъ съ трехъ сторонъ были выкопаны канавы. Въ окопанномъ канавами мѣстѣ стояли десять стрѣлявшихъ пушекъ, высунутыхъ въ отверстіе валовъ.

Въ линію съ курганомъ стояли съ обѣихъ сторонъ пушки, тоже безпрестанно стрѣлявшія. Немного позади пушекъ стояли пѣхотныя войска. Входя на этотъ курганъ, Пьеръ никакъ не думалъ, что это окопанное небольшими канавами мѣсто, на которомъ стояло и стрѣляло нѣсколько пушекъ, было самое важное мѣсто въ сраженіи.

Пьеру, напротивъ, казалось, что это мѣсто (именно потому, что онъ находился на немъ) было одно изъ самыхъ незначительныхъ мѣстъ сраженія.

Взойдя на курганъ, Пьеръ сѣлъ въ концѣ канавы, окружающей батарею, и съ безсознательно-радостной улыбкой смотрѣлъ на то, что дѣлалось вокругъ него. Изрѣдка Пьеръ все съ той же улыбкой вставалъ и, стараясь не помѣшать солдатамъ, заряжавшимъ и накатывавшимъ орудія, безпрестанно пробѣгавшимъ мимо него съ сумками и зарядами, прохаживался по батарее. Пушки съ этой батареи безпрестанно одна за другой стрѣляли, оглушая своими звуками и застилая всю окрестность пороховымъ дымомъ.

Въ противоположность той жуткости, которая чувствовалась между пѣхотными солдатами прикрытія, здѣсь, на батарее, гдѣ небольшое количество людей, занятыхъ дѣломъ, было отграниченное и общее вѣзмъ, какъ бы семейное оживленіе.

Появленіе невоенной фигуры Пьера въ бѣлой шляпѣ сначала непріятно поразило этихъ людей. Солдаты, проходя мимо него, удивленно и даже испуганно косились на его фигуру. Старшій артиллерійскій офицеръ, высокій, съ длинными ногами, рябой человѣкъ, какъ будто для того, чтобы посмотреть на дѣйствіе крайняго орудія, подошелъ къ Пьеру и любопытно посмотрѣлъ на него.

Молоденькій круглолицый офицерикъ, еще совершенный ребенокъ, очевидно только что выпущенный изъ корпуса, распоряжаясь весьма старательно порученными ему двумя пушками, строго обратился къ Пьеру.

— Господинъ, позвольте васъ попросить съ дороги,—сказалъ онъ ему,—здѣсь нельзя.

Слудаты неодобрительно покачивали головами, глядя на Пьера. Но когда всѣ убѣдились, что этотъ человѣкъ въ бѣлой

¹⁾ Съ крещеніемъ огнемъ.

²⁾ Большой редутъ, роковой редутъ, центральный редутъ.

шляпѣ не только не дѣлалъ ничего дурного, но или смиренно сидѣлъ на откосѣ вала, или съ робкой улыбкой, учтиво сторонясь передъ солдатами, прохаживался по батарее подъ выстрѣлами такъ же спокойно, какъ по бульвару, тогда понемногу чувство недоброжелательнаго недоумѣнія къ нему стало переходить въ ласковое и шутливое участіе, подобное тому, которое солдаты имѣютъ къ своимъ животнымъ: собакамъ, пѣтухамъ, козамъ, и вообще животнымъ, живущимъ при воинскихъ командахъ. Солдаты эти сейчасъ же мысленно приняли Пьера въ свою семью, присвоили себѣ и дали ему прозвище: „Нашъ баринъ“ прозвали его и про него ласково смѣялись между собой.

Одно ядро взрыло землю въ двухъ шагахъ отъ Пьера. Онъ, обчищая взбрызнутую ядромъ землю съ платя, съ улыбкой оглянулся вокругъ себя.

— И какъ это вы не боитесь, баринъ, право!—обратился къ Пьеру красноречивый широкій солдатъ, оскаливая крѣпкіе бѣлые зубы.

— А ты развѣ боишься?—спросилъ Пьеръ.

— А то какъ же?—отвѣчалъ солдатъ.—Вѣдь она не помилуется. Она шмякнетъ, такъ кишки вонъ. Нельзя не бояться,—сказалъ онъ смѣясь.

Нѣсколько солдатъ съ веселыми и ласковыми лицами остановились подлѣ Пьера. Они какъ будто не ожидали того, чтобы онъ говорилъ, какъ всѣ, и это открытіе обрадовало ихъ.

— Наше дѣло солдатское. А вотъ баринъ, такъ удивительно! Вотъ такъ баринъ!

— По мѣстамъ!—крикнулъ молоденькій офицеръ на собравшихся вокругъ Пьера солдатъ.

Молоденькій офицеръ этотъ, видимо, исполнялъ свою должность въ первый или во второй разъ и потому съ особенною отчетливостью и форменностью обращался и съ солдатами и съ начальникомъ.

Перекатная пальба пушекъ и ружей усиливалась по всему полю, въ особенности влѣво, тамъ, гдѣ были флешы Баграціона; но изъ-за дыма выстрѣловъ, съ того мѣста, гдѣ былъ Пьеръ, нельзя было почти ничего видѣть. Притомъ наблюденія за тѣмъ какъ бы семейнымъ (отдѣльнымъ отъ всѣхъ другихъ) кружкомъ людей, находившихся на батарее, поглощали все вниманіе Пьера. Первое его безсознательно-радостное возбужденіе, произведенное видомъ и звуками поля сраженія, замѣнилось теперь, въ особенности послѣ вида этого одиноко лежащаго солдата на лугу, другимъ чувствомъ. Сидя теперь на откосѣ канавы, онъ наблюдалъ окружавшія его лица.

Къ десяти часамъ уже человѣкъ двадцать унесли съ батареи; два орудія были разбиты, и чаще и чаще на батарею попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальнія пули. Но люди, бывшіе на батарее, какъ будто не замѣчали этого: со всѣхъ сторонъ слышался веселый говоръ и шутки.

— Чиненка!—кричалъ солдатъ на приближающуюся, летѣвшую со свистомъ гранату.

— Не сюда! Къ пѣхотнымъ!—съ хохотомъ прибавлялъ другой, замѣтивъ, что граната перелетѣла и попала въ ряды прикрытія.

— Что, знакомая?—смѣялся другой солдатъ на присѣвшаго мужика подлѣ пролетѣвшаго ядра.

Нѣсколько солдатъ собрались у вала, разглядывая то, что дѣлалось впереди.

— И цѣпъ сняли, видишь; назадъ прошли,—говорили они, указывая черезъ валъ.

— Свое дѣло гляди,—крикнулъ на нихъ старый унтеръ-офицеръ.—Назадъ прошли,—значитъ, назадъ дѣло есть.

И унтеръ-офицеръ, взявъ за плечо одного изъ солдатъ, толкнулъ его колѣнкой. Послышался хохотъ.

— Къ пятому орудію, накатывай!—кричали съ одной стороны.

— Разомъ, дружище, по-бурлацки,—слышались веселые крики перемѣнявшихъ пушку.

— Ай, нашему барину чуть шляпку не сбила,—показывая зубы, смѣялся на Пьера красноречивый шутникъ.—Эхъ, нескладная,—укоризненно прибавилъ онъ на ядро, попавшее въ колесо и ногу человѣка.

— Ну вы, лисицы!—смѣялся другой на изгибающихся ополченцевъ, всходящихъ на батарею за раненымъ.

— Аль не вкусна каша? Ахъ, вороны, заколанились!—кричали на ополченцевъ, замѣвавшихся передъ солдатомъ съ оторванной ногой.

— Тое-кое, малый,—передразнивали мужиковъ.—Страсть не любить!

Пьеръ замѣчалъ, какъ послѣ каждого попавшаго ядра, послѣ каждой потери все болѣе и болѣе разгоралось общее оживленіе.

Какъ изъ придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, свѣтлѣе и свѣтлѣе вспыхивали на лицахъ всѣхъ этихъ людей (какъ бы въ отпоръ совершающагося) молніи скрытаго, разгорающагося огня.

Пьеръ не смотрѣлъ впередъ на поле сраженія и не интересовался знать о томъ, что тамъ дѣлалось: онъ весь былъ погруженъ въ созерцаніе этого все болѣе и болѣе разгорающагося огня, который точно такъ же (онъ чувствовалъ) разгорался и въ его душѣ.

Въ десять часовъ пѣхотные солдаты, бывшіе впереди батареи въ кустахъ и по рѣчкѣ Каменкѣ, отступили. Съ батареей видно было, какъ они пробѣгали назадъ мимо нея, неся на ружьяхъ раненыхъ. Какой-то генералъ со свитой взшелъ на курганъ и, поговоривъ съ полковникомъ, сердито посмотрѣвъ на Пьера, сошелъ опять внизъ, приказавъ прикрытію пѣхоты, стоявшему позади батареи, лечь, чтобы менѣе подвергаться выстрѣламъ. Вслѣдъ за этимъ въ рядахъ пѣхоты, правѣе батареи, послышался барабанъ, командные крики, и съ батареей видно было, какъ ряды пѣхоты двинулись впередъ.

Пьеръ смотрѣлъ черезъ валъ. Одно лицо особенно бросилось ему въ глаза. Это былъ офицеръ, который съ блѣднымъ молодымъ лицомъ шелъ задомъ, неся опущенную шпагу, и безпокойно оглядывался.

Ряды пѣхотныхъ солдатъ скрылись въ дыму, послышался ихъ протяжный крикъ и частая стрѣльба ружей. Черезъ нѣсколько минутъ толпы раненыхъ и носилокъ прошли оттуда. На батарею еще чаще стали попадать снаряды. Нѣсколько человѣкъ лежали неубранные. Около пушекъ хлопотливѣе и оживленнѣе двигались солдаты. Никто уже не обращалъ вниманія на Пьера. Раза два на него сердито крикнули за то, что онъ былъ на дорогѣ. Старшій офицеръ, съ нахмуреннымъ лицомъ, большими, быстрыми шагами переходилъ отъ одного орудія къ другому. Молоденькій офицерикъ, еще больше раздурманившись, еще старательнѣе командовалъ солдатами. Солдаты подавали заряды, поворачивались, заряжали и дѣлали свое дѣло съ напряженнымъ щегольствомъ. Они на ходу подпрыгивали, какъ на пружинахъ.

Грозовая туча надвинулась, и ярко во всѣхъ лицахъ горѣлъ тотъ огонь, за разгораніемъ котораго слѣдилъ Пьеръ. Онъ стоялъ подлѣ старшаго офицера. Молоденькій офицерикъ подбѣжалъ, съ рукой къ киверу, къ старшему.

— Имѣю честь доложить, господинъ полковникъ, зарядовъ имѣется только восемь, прикажете ли продолжать огонь?—спросилъ онъ.

— Картечь!—не отвѣчая, крикнулъ старшій офицеръ, смотрѣвшій черезъ валъ.

Вдругъ что-то случилось; офицерикъ ахнулъ и, свернувшись, сѣлъ на землю, какъ на лету подстрѣленная птица. Все сдѣлалось странно, неясно и пасмурно въ глазахъ Пьера.

Одно за другимъ свистѣли ядра и бились въ брустверъ, въ солдатъ, въ пушки. Пьеръ, прежде не слышавшій этихъ звуковъ, теперь только слышалъ одни эти звуки. Съ боку батареи, справа, съ крикомъ „ура“ бѣжали солдаты не впередъ, а назадъ, какъ показалось Пьеру.

Ядро ударило въ самый край вала, передъ которымъ стоялъ Пьеръ, ссыпало землю, и въ глазахъ его мелькнулъ черный мячикъ, и въ то же мгновеніе шлепнуло во что-то. Ополченцы, вошедшіе было на батарею, побѣжали назадъ.

— Всѣ картечью!—кричалъ офицеръ.

Унтеръ-офицеръ подбѣжалъ къ старшему офицеру и испуганнымъ шопотомъ (какъ за объѣдомъ докладываетъ дворецкій хозяину, что нѣтъ больше требуемаго вина) сказалъ, что зарядовъ больше не было.

— Разбійники, что дѣлаютъ!—закричалъ офицеръ, оборачиваясь къ Пьеру.

Лицо старшаго офицера было красно и потно, нахмуренные глаза блестѣли.

— Бѣги къ резервамъ, приводи ящики!—крѣпко охнулъ онъ, сердито обходя взглядомъ Пьера и обращаясь къ своему солдату.

— Я пойду,—сказалъ Пьеръ.

Офицеръ, не отвѣчая ему, большими шагами пошелъ въ другую сторону!

— Не стрѣлять... Выжидай!—кричалъ онъ.

Солдатъ, которому приказано было идти за зарядами, столкнулся съ Пьеромъ.

— Эхъ, баринъ, не мѣсто тебѣ тутъ,—сказалъ онъ и побѣжалъ внизъ.

Пьеръ побѣжалъ за солдатомъ, обходя то мѣсто, на которомъ сидѣлъ молоденькій офицерикъ.

Одно, другое, третье ядро пролетало надъ нимъ, ударялось впереди, съ боковъ, сзади. Пьеръ сбѣжалъ внизъ. „Куда а?“

вдругъ вспомнилъ онъ, уже подбѣгая къ зеленымъ ящикамъ. Онъ остановился въ нерѣшительности, идти ему назадъ или впередъ. Вдругъ страшный толчокъ откинулъ его назадъ, на землю. Въ то же мгновеніе блескъ большого огня освѣтилъ его, и въ то же мгновеніе раздался оглушающій, зазвенѣвшій въ ушахъ громъ, трескъ и свистъ.

Пьеръ, очнувшись сидѣлъ на задѣ, опираясь руками о землю; ящика, около котораго онъ былъ, не было; только валялись зеленныя обожженные доски и тряпки на выжженной травѣ, и лошади, трепля обломками оглобелей, проскакала отъ него, а другая такъ же, какъ и самъ Пьеръ, лежала на землѣ и пронзительно, протяжно визжала.

XXXII.

Пьеръ, не помня себя отъ страха, вскочилъ и побѣжалъ назадъ на батарею, какъ на единственное убѣжище отъ всѣхъ ужасовъ, окружавшихъ его.

Въ то время, какъ Пьеръ входилъ въ окопъ, онъ замѣтилъ, что на батареѣ выстрѣловъ не слышно было, но какіе-то люди что-то дѣлали тамъ. Пьеръ не успѣлъ понять того, какіе это были люди. Онъ увидѣлъ старшаго полковника, задомъ къ нему лежащаго на валу, какъ будто разсматривающаго что-то внизу, и видѣлъ одного, замѣченнаго имъ солдата, который, порываясь впередъ отъ людей, державшихъ его за руку, кричалъ: „братцы!“ и видѣлъ еще что-то странное.

Но онъ не успѣлъ еще сообразить того, что полковникъ былъ убитъ, что кричавшій „братцы“ былъ плѣнный, что въ глазахъ его былъ заколотъ штыкомъ въ спину другой солдатъ. Едва онъ вбѣжалъ въ окопъ, какъ худощавый, желтый, съ потнымъ лицомъ человекъ, въ синемъ мундирѣ, со шпагой въ рукѣ, набѣжалъ на него, крича что-то. Пьеръ, инстинктивно обороняясь отъ толчка, такъ какъ они, не выдавъ, разбѣжались другъ противъ друга, выставилъ руки и схватилъ этого человека (это былъ французскій офицеръ) одной рукой за плечо, другой за горло. Офицеръ, выпустивъ шпагу, схватилъ Пьера за шиворотъ.

Нѣсколько секундъ они оба испуганными глазами смотрѣли на чуждыя другъ другу лица, и оба были въ недоумѣніи о томъ, что они сдѣлали и что имъ дѣлать. „Я ли взять въ плѣнъ или онъ взять въ плѣнъ мною?“ думалъ каждый изъ нихъ. Но, очевидно, французскій офицеръ болѣе склонился къ мысли, что въ плѣнъ взять онъ, потому что сильная рука Пьера, движимая неполнымъ страхомъ, все крѣпче и крѣпче сжимала его горло. Французъ что-то хотѣлъ сказать, какъ вдругъ надъ самой головой ихъ низко и страшно просвистѣло ядро, и Пьеру показалось, что голова французскаго офицера оторвана: такъ быстро онъ согнулъ ее.

Пьеръ тоже нагнулъ голову и опустилъ руки. Не думая болѣе о томъ, кто кого взялъ въ плѣнъ, французъ побѣжалъ назадъ на батарею, а Пьеръ подъ гору, спотыкаясь на убитыхъ и раненыхъ, которые, казалось ему, ловятъ его за ноги. Но не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ навстрѣчу ему показались плотныя толпы бѣгущихъ русскихъ солдатъ, которые, падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бѣжали на батарею. (Это была та атака, которую себѣ приписывалъ Ермоловъ, говоря, что только его храбрости и счастьемъ возможно было сдѣлать этотъ подвигъ, и та атака, въ которой онъ будто бы кидалъ на курганъ Георгіевскіе кресты, бывшіе у него въ карманѣ).

Французы, занявшіе батарею, побѣжали. Наши войска съ крикомъ „ура“, такъ далеко за батарею прогнали французовъ, что трудно было остановить ихъ.

Съ батареи свезли плѣнныхъ, въ томъ числѣ раненаго французскаго генерала, котораго окружили офицеры. Толпы раненыхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ Пьеру, русскихъ и французовъ, съ изуродованными страданіемъ лицами, шли, ползли и на носилкахъ неслись съ батареи. Пьеръ взошелъ на курганъ, гдѣ провелъ болѣе часа времени, и изъ того семейнаго кружка, который принялъ его къ себѣ, онъ не нашелъ никого. Много было тутъ мертвыхъ, незнакомыхъ ему. Но нѣкоторыхъ онъ узналъ. Молоденькій офицеръ сидѣлъ, все такъ же свернувшись, у края вала, въ лужѣ крови. Краснорожій солдатъ еще дергался, но его не убирали.

Пьеръ побѣжалъ внизъ.

„Нѣтъ, теперь они оставляютъ это; теперь они ужаснутся того, что они сдѣлали!“ думалъ Пьеръ, безцѣльно направляясь за толпами носилокъ, двигавшихся съ поля сраженія.

Но солнце, застилаемое дымомъ, стояло еще высоко, и впереди, и въ особенности налѣво, у Семеновскаго, выпѣло что-то въ дымѣ, и гулъ выстрѣловъ, стрѣльба и канонада не только не ослабѣвали, но усиливались до отчаянности, какъ человекъ, который, надрываясь, кричитъ изъ послѣднихъ силъ.

XXXIII.

Главное дѣйствіе Бородинскаго сраженія произошло на про-

странствѣ 1000 сажень между Бородинымъ и флешами Багратиона. (Внѣ этого пространства съ одной стороны была сдѣлана русскими въ половинѣ дня демонстрація кавалеріей Уварова, съ другой стороны за Утицей было столкновение Понятовскаго съ Тучковымъ; но это были два отдѣльныя и слабыя дѣйствія въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило въ серединѣ поля сраженія). На полѣ между Бородинымъ и флешами, у лѣса, на открытомъ и видномъ съ обѣихъ сторонъ протяженіи, произошло главное дѣйствіе сраженія самымъ простымъ, безхитростнымъ образомъ.

Сраженіе началось канонадой съ обѣихъ сторонъ изъ нѣсколькихъ сотенъ орудій.

Потомъ, когда дымъ засталъ все поле, въ этомъ дымѣ двинулись (со стороны французовъ) справа двѣ дивизіи Дессе и Компана—на флешу и слѣва полки вице-короля—на Бородино.

Отъ Шевардинскаго редута, на которомъ стоялъ Наполеонъ, флешу находились на разстояніи версты, а Бородино болѣе чѣмъ въ двухъ верстахъ разстоянія по прямой линіи, и потому Наполеонъ не могъ видѣть того, что происходило тамъ, тѣмъ болѣе, что дымъ, сливаясь съ туманомъ, скрывалъ всю мѣстность. Солдаты дивизіи Дессе, направленные на флешу, были видны только до тѣхъ поръ, пока они не спустились подъ оврагъ, отдѣлявшій ихъ отъ флешу. Какъ скоро они спустились въ оврагъ, дымъ выстрѣловъ орудійныхъ и ружейныхъ на флешахъ сталъ такъ густъ, что засталъ весь подъемъ той стороны оврага. Сквозь дымъ мелькало тамъ что-то черное, вѣроятно люди, и иногда блескъ штыковъ. Но двигались они или стояли, были ли это французы или русскіе, нельзя было видѣть съ Шевардинскаго редута.

Солнце взошло свѣтло и било косыми лучами прямо въ лицо Наполеона, смотрѣвшаго изъ-подъ руки на флешу. Дымъ стлался передъ флешами, и то казалось, что дымъ двигался, то казалось, что войска двигались. Слышны были иногда изъ-за выстрѣловъ крики людей, но нельзя было знать, что они тамъ дѣлали.

Наполеонъ, стоя на курганѣ, смотрѣлъ въ трубу, и въ маленькій кругъ трубы онъ видѣлъ дымъ и людей, иногда своихъ, иногда русскихъ; но гдѣ было то, что онъ видѣлъ, онъ не зналъ, когда смотрѣлъ опять простымъ глазомъ.

Онъ сошелъ съ кургана и сталъ взадъ и впередъ ходить передъ нимъ.

Изрѣдка онъ останавливался, прислушивался къ выстрѣламъ и вглядывался въ поле сраженія.

Не только съ того мѣста внизу, гдѣ онъ стоялъ; не только съ кургана, на которомъ стояли теперь нѣкоторые его генералы, но и съ самыхъ флешей, на которыхъ находились теперь виѣсты и попеременно то русскіе, то французскіе—мертвые, раненые и живые, испуганные или обезумѣвшіе—солдаты, нельзя было понять того, что дѣлалось на этомъ мѣстѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ на этомъ мѣстѣ, среди неумолкаемой стрѣльбы ружейной и пушечной, то появлялись одни русскіе, то одни французскіе, то пѣхотные, то кавалерійскіе солдаты; появлялись, падали, стрѣляли, сталкивались, не зная, что дѣлать другъ съ другомъ, кричали и бѣжали назадъ.

Съ поля сраженія безпрестанно прискакивали къ Наполеону его посланные адъютанты и ординарцы его маршаловъ съ докладами о ходѣ дѣла; но всѣ эти доклады были ложны: и потому, что въ жару сраженія невозможно сказать, что происходитъ въ данную минуту; и потому, что многіе адъютанты не доѣзжали до настоящаго мѣста сраженія, а передавали то, что они слышали отъ другихъ; и еще потому, что пока проѣзжалъ адъютантъ тѣ двѣ три версты, которыя отдѣляли его отъ Наполеона, обстоятельства измѣнялись, и извѣстіе, которое онъ везъ, уже становилось невѣрно. Такъ, отъ вице-короля прискакалъ адъютантъ съ извѣстіемъ, что Бородино занято и мостъ на Колочѣ въ рукахъ французовъ. Адъютантъ спрашивалъ у Наполеона, прикажетъ ли онъ переходить войскамъ. Наполеонъ приказалъ выстроиться на той сторонѣ и ждать. Но не только въ то время, какъ Наполеонъ отдавалъ это приказаніе, но даже когда адъютантъ только что отбѣжалъ отъ Бородина, мостъ уже былъ отбитъ и сожженъ русскими въ той самой схваткѣ, въ которой участвовалъ Пьеръ въ самомъ началѣ сраженія.

Прискакавшій съ флешу съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ адъютантъ донесъ Наполеону, что атака отбита и что Компанъ раненъ и Даву убитъ; а между тѣмъ флешу были заняты другою частью войскъ въ то время, какъ адъютанту говорили, что французы были отбиты, и Даву былъ живъ и только слегка контуженъ. Соображаясь съ таковыми необходимо-ложными донесеніями, Наполеонъ дѣлалъ свои распоряженія, которыя или уже были исполнены прежде, чѣмъ онъ дѣлалъ ихъ, или же не могли быть и не были исполняемы.

Маршалы и генералы, находившіеся въ болѣе близкомъ разстояніи отъ поля сраженія, но такъ же, какъ и Наполеонъ, не

участвовавшие въ самомъ сраженіи и только изрѣдка заѣзжавшіе подъ огонь пуль, не спрашиваясь Наполеона, дѣлали свои распоряженія и отдавали свои приказанія о томъ, куда и откуда стрѣлять и куда скакать коннымъ и куда бѣжать пѣшимъ солдатамъ. Но даже и ихъ распоряженія, точно такъ же, какъ распоряженія Наполеона, въ самой малой степени и рѣдко приводились въ исполненіе. Большею частью выходило противное тому, что они приказывали. Солдаты, которымъ велѣно было идти впередъ, подпавъ подъ картечный выстрѣлъ, бѣжали назадъ; солдаты, которымъ велѣно было стоять на мѣстѣ, вдругъ, видя противъ себя неожиданно показавшихся русскихъ, иногда бросались впередъ, и конница скакала безъ приказанія догонять бѣгущихъ русскихъ. Такъ два полка кавалеріи поскакали черезъ семеновскій оврагъ, и только что выѣхали на гору, повернулись и во весь духъ поскакали назадъ. Такъ же двигались и пѣхотные солдаты, иногда забывая совсѣмъ не туда, куда имъ велѣно было. Всѣ распоряженія о томъ, куда и когда подвинуть пушки, когда послать пѣшихъ солдатъ стрѣлять, когда конныхъ—топтать русскихъ пѣшихъ, всѣ эти распоряженія дѣлали сами ближайшіе начальники частей, бывшіе въ рядахъ, не спрашиваясь даже Нея, Даву и Мюрата, не только Наполеона. Они не боялись взысканія за неисполненіе приказанія или за самовольное распоряженіе, потому что въ сраженіи дѣло касается самаго дорогого для человѣка—собственной жизни; и иногда кажется, что спасеніе заключается въ бѣгствѣ назадъ, иногда въ бѣгствѣ впередъ, и сообразно съ настроеніемъ минуты поступали эти люди, находившіеся въ самомъ пылу сраженія. Въ сущности же всѣ эти движенія впередъ и назадъ не облегчали и не измѣняли положенія войскъ. Всѣ ихъ набѣганія и наскакиванья другъ на друга почти не производили имъ вреда, а вредъ, смерть и увѣчья наносили ядра и пули, летавшія вездѣ по тому пространству, по которому металась эта толпа. Какъ только эти люди выходили изъ того пространства, по которому летали ядра и пули, такъ ихъ тотчасъ же стоявшіе сзади начальники формировали подчиняли дисциплинѣ и подъ вліяніемъ этой дисциплины, вводили опять въ область огня, въ которой они опять (подъ вліяніемъ страха смерти) теряли дисциплину и металась по случайному настроенію толпы.

Военный совѣтъ въ дер. Филяхъ.

Въ просторной лучшей избѣ мужика Андрея Севастьянова, въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахару, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ, входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло и безпрестанно побрякивалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобъ видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народу, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли прішедшіе Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся

съ голою головою, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотившись на руку свою широкую съ смѣлыми чертами и блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ, курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Беннигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ, и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Беннигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но настолько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Беннигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „Оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?“ Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтѣнье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— Священную, древнюю столицу Россіи, — вдругъ заговорилъ онъ сердитымъ голосомъ, повторяя слова Беннигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ. — Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, — это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „Спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе-ли рисковать потерю арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?“ Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе (онъ откатнулся назадъ на спинку кресла).

Начались пренія. Беннигсенъ не считалъ еще игры проигранной.

Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патриотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночь съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились, были споры въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Беннигсена. Остальные генералы, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что дѣлалось передъ нею, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между дѣдушкой и „длиннополымъ“, какъ она называла Беннигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону „дѣдушки“. Въ срединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Беннигсена, и вслѣдъ затѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополному, осадилъ его. Беннигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Беннигсена, были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Беннигсена: о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго фланга на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

Князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

— Я, господа,—сказалъ Кутузовъ,—не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бывають опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ, напримѣръ... (Кутузовъ какъ будто задумался, приискивая примѣръ и свѣтлымъ, наивнымъ взглядомъ глядя на Беннигсена)... Да вотъ хоть бы Фридрихское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... не вполнѣ удачно только оттого, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля.

Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— И такъ, господа, стало быть, мнѣ платить за перебитые горшки,—сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу.—Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ тою торжественною и молчаливою осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ полатей, цѣпляясь босыми ноженками за уступы печки, и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ, и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: „Когда же, когда же, наконецъ, рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?“

— Этого, этого я не ждалъ,—сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту.—Этого я не ждалъ! Этого я не думалъ.

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость,—сказалъ адъютантъ.

— Да нѣтъ же! Будутъ они лошадиное мясо жрать, какъ турки!—не отвѣчая, прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу.

Вѣсть о выходѣ французовъ изъ Москвы.

Ночь была темная, теплая, осенняя. Шелъ дождикъ уже четвертый день. Два раза перемѣнивъ лошадей и въ полтора часа проскакавъ тридцать верстъ по грязной вязкой дорогѣ, Болховитиновъ во второмъ часу ночи былъ въ Леташевкѣ.

Кутузовъ, какъ всѣ старые люди, мало спалъ по ночамъ. Онъ днемъ часто неожиданно задремывалъ, но ночью онъ, не раздѣваясь лежа на своей постели, большею частію не спалъ и думалъ.

Такъ какъ онъ лежалъ и теперь на своей кровати, облокотивъ тяжелую, большую изуродованную голову на пухлую руку, и думалъ, открытымъ глазомъ присматриваясь къ темнотѣ.

Неразрѣшенный вопросъ о томъ, смертельна или не смертельна была рана, нанесенная въ Бородинѣ, уже цѣлый мѣсяцъ висѣлъ надъ головой Кутузова. Съ одной стороны, французы заняли Москву. Съ другой стороны, несомнѣнно всѣмъ существомъ своимъ Кутузовъ чувствовалъ, что тотъ страшный ударъ, въ которомъ онъ вмѣстѣ со всѣми русскими людьми напрягъ всѣ свои силы, долженъ былъ быть смертеленъ. Но во всякомъ случаѣ нужны были доказательства, и онъ ждалъ ихъ уже мѣсяцъ, и чѣмъ дальше проходило время, тѣмъ нетерпѣливѣе онъ становился.

Въ ночь 11 октября онъ лежалъ, облокотившись на руку, и думалъ объ этомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ зашевелились: слышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Эй, кто тамъ? Войдите, войди! Что новенькаго?—окликнулъ ихъ фельдмаршалъ.

Пока лакей зажигалъ свѣчку, Толя рассказывалъ содержаніе извѣстій.

— Кто привезъ?—спросилъ Кутузовъ съ лицомъ, поразившимъ Толя, когда загорѣлась свѣча, своею холодною строгостью.

— Не можетъ быть сомнѣнія, ваша свѣтлость!

— Позови, позови его сюда.

Кутузовъ сидѣлъ, спустивъ одну ногу съ кровати и навалившись большимъ животомъ на другую согнутую ногу. Онъ шурилъ свой зрячій глазъ, чтобы лучше разсмотрѣть посланнаго, какъ будто въ его чертахъ онъ хотѣлъ прочесть то, что занимало его.

— Скажи, скажи, дружочекъ!—сказалъ онъ Болховитинову сво-

имъ тихимъ старческимъ голосомъ, закрывая распахнувшуюся на груди рубашку.—Подойди, подойди поближе. Какія ты привезъ мнѣ вѣсточка?... А? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ! Воистину такъ? А?

Болховитиновъ подробно доносилъ сначала все то, что ему было приказано.

— Говори, говори скорѣе, не томи душу,—перебилъ его Кутузовъ.

Болховитиновъ рассказалъ все и замолчалъ, ожидая приказанія. Толь началъ было говорить что то, но Кутузовъ перебилъ его. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ лицо его сощурилось, сморщилось; онъ, махнувъ рукой на Толя, повернулся въ противоположную сторону, къ красному углу избы, чернѣвшему отъ образовъ.

— Господи, Создатель мой! Вялятъ Ты молитвъ нашей!...—дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, сложивъ руки.—Спасена Россія! Благодарю Тебя, Господи!...

И онъ заплакалъ.

Своевременное полученіе извѣстій о выходѣ Наполеона изъ Москвы и объ его намѣреніяхъ имѣло громадное значеніе для Кутузова, потому что дало возможность нашей арміи во-время двинуться изъ Тарутина на новую калужскую дорогу и преградить путь Наполеону у Малоярославца. Войска Дохтурова заняли городъ. Въ это же самое время съ другой стороны въ него входилъ непріятель. На улицахъ маленькаго уѣзднаго городка завязался отчаянный кровопролитный бой. До восьми разъ переходилъ Малоярославецъ изъ рукъ въ руки; съ ожесточеніемъ дрались старые, испытанные въ бояхъ французскіе солдаты, сознававшіе, что отъ исхода сраженія зависитъ, быть можетъ, судьба всей ихъ арміи. Не уступали французамъ въ мужествѣ и наши молодые солдаты, большею частью недавно набранные рекруты, воодушевляемые примѣромъ своихъ офицеровъ.

Послѣ полудня къ Малоярославцу прибылъ Наполеонъ. Наблюдая съ возвышенности за ходомъ дѣла, онъ указывалъ мѣста, гдѣ надо строить батареи. Наполеону очень хотѣлось завладѣть Малоярославцемъ до прибытія Кутузова. Но, пройдя всю ночь усиленнымъ маршемъ разстояніе отъ Тарутина до Малоярославца, русскій фельдмаршалъ съ арміей былъ уже въ двухъ съ половиной верстахъ отъ города. Сидя верхомъ на маленькой лошади, почти безъ свиты, подѣхалъ онъ къ мѣсту сраженія. Напрасно немногіе окружавшіе стараго вождя уговаривали его удалиться изъ-подъ выстрѣловъ: непріятельскія пули со свистомъ перелетали черезъ его голову, а онъ все стоялъ и слѣдилъ за битвой, ясно сознавая, что въ этомъ сраженіи рѣшается судьба всего похода.

До позднего вечера продолжался бой въ городѣ. Главный распорядитель этого боя со стороны французовъ вице-король Евгений пустилъ въ дѣло свой послѣдній резервъ—итальянскую гвардію, лично ставъ во главѣ ея. Русскіе не устояли противъ отчаяннаго натиска непріятеля, торжество котораго было, однако, не продолжительно. Увлеченные успѣхомъ, французы и итальянцы бросились было въ штыки на наши батареи, стоявшія передъ городомъ, но вдругъ глубокой оврагъ перерѣзалъ имъ путь. Препятствіе смутило зарвавшихся непріятелей, ряды ихъ смѣшались и, преслѣдуемые нашей конницей, они обратились въ бѣгство. Русскіе гнали за ними до самыхъ улицъ Малоярославца и не вытѣснили изъ города только потому, что наступила полная тьма.

18-ти часовой бой кончился. Ночью главнокомандующій послалъ сильный отрядъ на Мелънь, прикрывавшую удобнѣйшую дорогу на Смоленскъ, а Платову съ его казаками приказалъ постараться напасть на правое крыло непріятеля.

Л. Толстой.

Юбилейныя торжества.

На Бородинскомъ полѣ.

Столѣтіе отечественной войны 1812 г. было повсемѣстно въ Россіи ознаменовано устройствомъ юбилейныхъ торжествъ; они приурочены были къ 26 августа—памятному дню великаго Бородинскаго боя.

Центромъ этихъ торжествъ явилось Бородинское поле, гдѣ задолго начались приготовленія къ торжествамъ.

По всей площади историческаго поля кипѣла спѣшная работа. Путь проѣзда Высочайшихъ особъ украшался арками, флагами; въ разныхъ мѣстахъ возобновились бывшія укрѣпленія; ставились памятники на мѣстахъ расположенія русскихъ и французскихъ войскъ, обелиски, мачты съ флагами, арки, цѣлый рядъ памятниковъ разнообразной архитектуры. Всѣхъ новыхъ памятниковъ намѣчено и поставлено до 30-ти.

Отъ ст. Бородино устроено земское шоссе, въ направленіи отъ юга къ сѣверу, до с. Бородина.

Шоссе доходить до бородинского дворца, расположенного на кургане, при слиянии Колочи и Войны, против волостного правления, в с. Бородине. Через рѣчки устроены новые мосты. Земское шоссе тянется на 4—5 верст. На всемъ протяженіи оно украшено арками и мачтами, перевитыми зеленью и убранными флагами и гербами разныхъ городовъ. По обѣимъ сторонамъ шоссе—ряды памятниковъ въ мѣстахъ расположенія русскихъ войскъ. Съ правой стороны памятники идутъ въ два ряда, на значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго.

Первый памятникъ,—направо отъ земскаго шоссе,—представляетъ четырехсторонній обелискъ, украшенный государственнымъ гербомъ; на передней сторонѣ обелиска надпись: „Сражавшемуся на семъ мѣстѣ 26-го августа 1812 г. лейбъ-гвардіи Московскому полку, именовавшемуся до 1817 г. лейбъ-гвардіи Литовскимъ полкомъ“. Почти противъ этого памятника, на лѣвой сторонѣ шоссе, четырехгранная гранитная колонка, съ изображеніемъ на одной сторонѣ герба дома Романовыхъ и надписью: „Лейбъ-гвардіи Финляндскому полку“. На другой сторонѣ слова: „Бородино, Тарутино, Доброе, Красное и Березина“. На лѣвой же сторонѣ шоссе, передъ дер. Семеновской, на курганѣ правой части Семеновскихъ флешей, поставлена круглая колонна изъ сѣраго гранита съ пьедесталомъ изъ чернаго мрамора съ надписью: „Доблестнымъ предкамъ-кирасирамъ 2-й дивизіи генерала Дуки“.

За правымъ крыломъ Семеновскихъ флешей, влѣво отъ земскаго шоссе и дер. Келеповской, идетъ дорога черезъ Семеновскій оврагъ и ручей къ Спасо-Бородинскому монастырю, основанному М. М. Тучковой, вдовой ген.-майора А. А. Тучкова 4-го, павшаго въ Бородинскомъ бою. Дорога украшена арками и обелисками съ флагами. Позади храма въ монастырской оградѣ находится средняя часть Семеновскихъ флешей, на которой былъ убитъ А. А. Тучковъ. Алтарь храма выходитъ къ этому укрѣпленію; противъ западныхъ дверей церкви только-что воздвигнутъ мраморный памятникъ въ видѣ четырехгранной пирамиды, увѣнчанной двуглавымъ орломъ и опирающейся на восьмигранный пьедесталъ. На граняхъ—золотыя надписи.

За оградой монастыря по Семеновскимъ флешамъ поставленъ рядъ памятниковъ защитникамъ этихъ укрѣпленій. Нѣсколько памятниковъ, во главѣ съ недавно открытымъ памятникомъ Невѣровскому, поставлено по лѣвому крылу Семеновскихъ флешей, въ настоящее время возстановленныхъ въ прежнемъ ихъ видѣ. На разстояніи полуверсты отъ памятника Невѣровскому къ западу находится Царская ставка, расположенная на желѣзнодорожной вѣткѣ, только-что проложенной отъ Александровской ж. д. Весь путь отъ ставки, около Семеновскихъ флешей, къ бородинскому монастырю украшенъ арками и мачтами съ флагами.

На разстояніи полуверсты отъ дер. Семеновской по земскому шоссе на лѣвой сторонѣ шоссе находится вновь выстроенный инвалидный домъ, а на правой—бородинскій памятникъ, который также подновленъ. Сзади памятника—могила кн. Багратиона съ чугунной плитой, обнесенная металлической рѣшеткой. Памятникъ въ разстояніи 100—200 сажень отъ земскаго шоссе. На такомъ же разстояніи вправо и влѣво отъ него параллельно шоссе тянется рядъ памятниковъ частямъ войскъ, участвовавшимъ въ сраженіи во вторую половину дня 26-го августа. На сѣверномъ краю Бородинскаго поля, на высокомъ курганѣ воздвигнутъ памятникъ Кутузову, въ сел. Горки, на большой смоленской дорогѣ, теперь Можайскому шоссе, на разстояніи около версты отъ Бородина въ направлении къ Можайску. Здѣсь 26-го августа находилась главная квартира русскихъ войскъ, и Кутузовъ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Памятникъ представляетъ четырехгранную колонну съ орломъ, который держитъ въ когтяхъ лавровый вѣнокъ. На передней сторонѣ колонны—большой бронзовый мечъ, на постаментѣ—бронзовый барельефъ, изображающій приемъ Кутузовымъ доведеній о ходѣ сраженія. Въ западной части Бородинскаго поля, гдѣ были расположены французскія войска, возвышаются два памятника: одинъ—на Шевардинскомъ редутѣ, другой—на разстояніи около 200 саж. отъ него къ востоку,—французскій памятникъ. На Шевардинскомъ редутѣ возобновлены укрѣпленія, сдѣланные русскими передъ боемъ 24-го августа. Въ центрѣ укрѣпленій, расположенныхъ съ четырехъ сторонъ на высокомъ курганѣ, поставленъ памятникъ русскимъ войскамъ, защищавшимъ редутъ, въ видѣ пирамидальной колонны, по двумъ сторонамъ которой поставлены пушки Брянскаго завода; временный французскій памятникъ построенъ изъ цемента; онъ впоследствии будетъ замѣненъ гранитной скалой голубоватаго цвѣта. На временномъ памятникѣ надпись: „Aux morts de la Grande armée“. Отъ обоихъ памятниковъ открывается видъ на все Бородинское поле.

По Бородинскому проспекту, идущему отъ д. Шевардиной къ монастырю, устроены бѣлыя палатки для волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, расположенныя по уѣздамъ. Всѣхъ палатокъ

475. По другую сторону проспекта—рядъ навѣсовъ съ столами и скамейками, столовыя для должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія. При столовыхъ—передвижныя кухни, баки для воды и пр.

Съ 20 августа въ Бородино начали прибывать для участія въ юбилейныхъ торжествахъ части войскъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ 1812 г.

Къ 25 августа сюда прибыли предсѣдатель совѣта министровъ, министры и лица Государевой свиты, состоящія при особѣ Государя, московскій губернаторъ, предводитель дворянства, дворяне, представители губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, депутаціи и пр.

Прибытіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Бородино.

25 августа, въ 11 час. утра, къ дебаркадеру ст. Бородино подошелъ Императорскій поѣздъ, убранный флагами и матеріями національныхъ цвѣтовъ, зеленью и цвѣтами, на которомъ изволилъ прибыть Государь Императоръ съ Государыней Императрицей Александрой Феодоровной, Наслѣдникомъ и Великими Князьями Ольгой, Татьяной, Маріей и Анастасіей Николаевнами.

Послѣ встрѣчи и обхода караула Государь, Государыня и великія княжны прослѣдовали въ Павильонъ.

По приемѣ мѣстныхъ депутацій, Ихъ Величества и Ихъ Высочества прослѣдовали въ вагонъ и по специально проложенной вѣткѣ отбыли на Царскую ставку. Масса народа усылали путь отъ вокзала до Царской ставки и привѣтствовали Ихъ Величествъ единодушнымъ „ура“.

Въ 2 час. дня изъ Царской ставки Государь и Государыня прослѣдовали на автомобилѣ къ святымъ вратамъ Спасо-Бородинскаго монастыря.

Въ соборномъ храмѣ монастыря было совершено краткое молитвословіе съ провозглашеніемъ многолѣтія.

Ихъ Величества и Ихъ Высочества подробно осматривали старинный храмъ и направились къ мѣсту, гдѣ, по преданію, убитъ Тучковъ, осматривали храмъ Христа Спасителя, сооруженный надъ могилой его вдовы, основавшей монастырь. У могилы Государь удостоилъ милостивой бесѣды потомковъ основательницы монастыря, смотрителя шереметьевского стражно-приемнаго дома отставнаго ген.-майора А. П. Тучкова, вирійскаго предводителя дворянства П. А. Тучкова съ сыновьями, подробно разспрашивая и интересуясь степенью родства наличныхъ представителей семьи Тучковыхъ съ двумя Тучковыми, погибшими въ Отечественную войну. Тутъ же находилась семья потомковъ графа Коновницина, памятникъ которому находится въ монастырѣ.

Изъ монастыря Ихъ Величества и Ихъ Высочества отбыли на батарею Раевского, гдѣ высится памятникъ Бородинской битвы. По дорогѣ, по сторонамъ шоссе расположены толпы народа, воспитанники учебныхъ заведеній, потѣшныя, волостные старшины, представители инородческаго населенія и пр.

Послѣ Высочайшаго объѣзда войскъ, Ихъ Величества и Ихъ Высочества направились къ инвалидному домику. Государыня, Наслѣдникъ и великія княжны вошли въ домъ. Государь въ сопровожденіи великихъ князей направился къ сидѣвшимъ въ саду пяти ветеранамъ 1812 г. Государь удостоилъ стариковъ милостивой бесѣды, длившейся $\frac{1}{4}$ часа и каждого разспрашивалъ о ихъ прежней службѣ и жизни. Обласкавъ милостивыми словами, Его Величество во вниманіе къ преклоннымъ лѣтамъ инвалидовъ приказалъ имъ сидѣть, что на всѣхъ произвело трогательное и умиленное впечатлѣніе. Старики сидѣли. Государь и великіе князья стояли; каждый изъ стариковъ вставалъ, когда Государь непосредственно обращался. Милостиво простившись съ инвалидами, Государь направился внутрь инвалиднаго дома и осматривалъ его. Въ половинѣ 5-го часа на шоссе показался соединенный крестный ходъ, шедшій изъ Смоленска и имѣвшій остановку въ Колочевскомъ монастырѣ, и изъ храма с. Бородина. Въ крестномъ ходѣ участвовали владыко митрополитъ, всѣ викаріи московской митрополіи и высшее духовенство. Съ крестнымъ ходомъ прибыла и чудотворная икона Смоленской Божіей Матери, именуемая Олигитрія, находившаяся въ 12-мъ году въ дѣйствующей арміи. Противъ инвалиднаго дома крестный ходъ повернулъ къ памятнику Бородинской битвы, протянувшись живописной лентой и имѣя хоругви. Впереди походной церкви Императора Александра I-го хоры музыки войсковыхъ частей играли „Коль Славенъ“. Ихъ Величества и Ихъ Высочества, сопровождаемые свитой и французскими депутаціями, вышли на шоссе противъ инвалиднаго домика на встрѣчу чудотворной иконѣ. Владыко-митрополитъ встрѣтилъ Ихъ Величества при приближеніи къ крестному ходу съ крестомъ и святой водой. Ихъ Величества и Ихъ Высочества приложились къ кресту и чудотворной иконѣ, приняли окропленіе святой водой и послѣ-

довали за крестным ходомъ къ Бородинскому памятнику. Войска взяли на молитву.

Въ походной церкви Императора Александра I-го высокопресвященнымъ митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ въ сослуженіи съ духовенствомъ совершена панихида по Императорѣ Александрѣ I и павшимъ въ Отечественную войну вождямъ и воинамъ. Необычайной торжественностью отличалась панихида въ открытомъ полѣ надъ братской могилой многихъ десятковъ и тысячъ русскихъ воиновъ. При возгласеніи вѣчной памяти Ихъ Величества и всѣ присутствовавшіе благоговѣнно опустили на колѣни. Панихида кончилась. Ихъ Величествамъ поднесено художественное изданіе описанія походной церкви. Ея Величество съ августѣйшими дѣтьми отбыли въ Императорскую ставку. Государь и всѣ великіе князья послѣдовали за святой иконой Смоленской Божіей Матери, которую обнесли вдоль фронта разставленныхъ на Бородинскомъ полѣ войскъ въ воспоминаніе такого-же событія наканунѣ Бородинскаго боя. Фронтъ по всѣмъ тремъ линіямъ растягивался почти на 4 версты. Впечатлѣніе необычайной торжественности создавало слѣдованіе Государя и великихъ князей по фронту войскъ за иконой. Войска держали молитву. Музыка играла „Коль славенъ“. На всѣхъ флангахъ стояли начальники частей. Когда кончилось обнесеніе фронта иконой, Государь и великіе князья около 6 час. 30 минутъ отбыли въ Императорскую ставку, посѣтивъ и обозрѣвъ по пути памятникъ, сооруженный кавалергардскимъ полкомъ. Крестный ходъ прослѣдовалъ въ соборъ Спасо-Бородинскаго монастыря. Войсковыя части вернулись въ свои бивуаки.

Вечеромъ въ походной церкви Императора Александра I-го совершено всенощное бдѣніе съ отправленіемъ церковнаго служенія въ честь Владимірской иконы Божіей Матери. Вечеромъ монастырь и инвалидный домъ были иллюминированы.

Торжество на Бородинскомъ полѣ 26 августа.

26 августа въ 7 час. утра пятью пушечными выстрѣлами съ батареи, расположенной на холмѣ близъ монумента Бородинскаго сраженія, населеніе возвѣщено о началѣ торжественнаго празднованія 100-лѣтія бородинскаго боя. Великолѣпная погода необычайно благоприятствовала торжеству. Съ ранняго утра вокругъ холма и батареи Раевского стали собираться толпы народа. Поезда Александровской жел. дороги привозили массу москвичей и депутацій отъ разныхъ городовъ и учреждений.

Торжество началось божественной литургіей въ соборномъ храмѣ Спасобородинскаго монастыря, въ которомъ въ 9-мъ часу собрались митрополитъ московскій, члены синода, предсѣдатель и члены совѣта министровъ, предсѣдатели Государственныхъ Совѣта и Думы, первоприсутствующіе кассационныхъ департаментовъ сената, первые чины двора, особы свиты Государя, дежурные адъютанты великихъ князей, находящіеся въ Бородинѣ, высшіе военные и морскіе чины, предсѣдатели междувѣдомственной комиссіи по юбилейнымъ торжествамъ, московскій губернаторъ, московскій губернский предводитель, вице-губернаторъ, предсѣдатель губернской управы, Можайскій уѣздный предводитель, предсѣдатель Можайской уѣздной управы, московскій городской голова, Можайскій городской староста, находящіеся на Бородинѣ участники Отечественной войны.

Къ 10 час. литургіи прибыли къ собору всѣ находящіеся на бородинскихъ торжествахъ великіе князья. Вскорѣ въ экипажѣ изволили прибыть изъ Царской ставки Государь и Государыня, Наслѣдникъ, великія княжны Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны. За Государемъ слѣдовали министръ двора, дежурство, генералъ-адъютантъ свѣтлѣйшій князь Голицынъ, первый свиты Его Величества генералъ-майоръ князь Багратіонъ-Мухранскій, флигель-адъютантъ Орловъ. Государь былъ въ формѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и въ Андреевской лентѣ, Наслѣдникъ въ формѣ своего 5-го Кіевскаго гренадерскаго полка и Андреевской лентѣ, Государыня въ бѣломъ платьѣ и Андреевской лентѣ, всѣ великіе князья въ Андреевскихъ лентахъ.

Близъ маленькой церкви Спаса находилась чудотворная икона Смоленской Божіей Матери. Ихъ Величества и Ихъ Высочества, выйдя изъ экипажа и слѣдуя мимо церкви во Владимірскій соборъ, прикладывались къ иконѣ Смоленской Божіей Матери. Ихъ Величества и Ихъ Высочества вошли во Владимірскій соборъ. Литургія окончилась въ 10 час.

Духовенство во главѣ съ митрополитомъ вышло изъ собора соединеннымъ крестнымъ ходомъ, въ которомъ участвовали хоругви всѣхъ окрестныхъ церквей, а также прибывшая наканунѣ изъ Смоленска чудотворная икона Смоленской Божіей Матери Одигитрія. По всему пути отъ Спасобородинскаго монастыря къ памятнику стояли шпалерами народъ, мѣстныя учебныя заведенія, при-

бывшіе на торжество представители сельскаго населенія всея, земскіе начальники. На протяженіи полутора верстъ разнужся крестный ходъ. Въ благоговѣнномъ молчаніи толпа обнажала головы, заиграли „Коль славенъ“. Войска построены вокругъ памятника покоемъ тремя фасадами въ четыре линіи.

У памятника Бородинскаго боя въ окружающей оградѣ и внѣ ея собрались, образуя живописную группу, въ лѣвой сторонѣ кургана у батареи Раевского, военные чины, члены междувѣдомственной комиссіи по юбилейнымъ торжествамъ, прибывшіе на торжества губерскіе предводители, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ другихъ губерній, уѣздные предводители московской губ., дворяне Можайскаго уѣзда, составъ московской губернской земской управы, предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ московской губ., весь составъ Можайскаго уѣзднаго земскаго собранія, начальствующія лица крестьянскихъ учреждений, члены землеустроительныхъ комиссій, городскіе головы губернскихъ и областныхъ городовъ и уѣздныхъ городовъ московской губерніи, составъ городского управления Можайска, депутаты великаго княжества Финляндскаго, общіе французскія депутаціи, представители инородческаго населенія, участвовавшего въ Отечественной войнѣ, волостные старшины со всей Россіи, депутаціи ученыхъ обществъ, многочисленныя депутаціи, прибывшія для возложенія вѣнковъ, а также прямые потомки бородинскихъ героевъ. По Высочайшему повелѣнію у памятника находились пять прибывшихъ ветерановъ.

На противоположной сторонѣ шоссе стояли густыми рядами всѣ сельскіе старосты и предсѣдатели волостныхъ судовъ разныхъ губерній Россіи.

Съ крестнымъ ходомъ слѣдовали Государь, Государыня и Августѣйшее семейство и великіе князья. Государь, Августѣйшія дочери и великіе князья шли пѣшкомъ отъ монастыря до бородинскаго памятника—больше версты. Государыня и Наслѣдникъ съ гофмейстериней Нарышкиной слѣдовали за крестнымъ ходомъ въ экипажѣ. Когда Ихъ Величества и Ихъ Высочества заняли мѣста въ походной церкви Смоленской иконы Божіей Матери совершено благодарственное молебствіе за избавленіе отъ нашествія двенадцати языковъ съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ многолѣтія Ихъ Величествамъ и Царствующему дому, протоіакоу возгласилъ вѣчную память Императору Александру I-му и павшимъ въ Отечественную войну вождямъ и воинамъ. Въ это время грянулъ салютъ 8-ми орудійной батареи, расположенной на ближайшемъ холмѣ. Батарея произвела три залпа, отдавая этимъ честь почившимъ. Изъ всѣхъ церквей доносился колокольный звонъ. Минута чрезвычайно торжественная. Картина красоты неописуемой.

Молебствіе кончилось въ началѣ 1-го часа. Хоругви, оглябая ограду Бородинскаго памятника, слѣдуютъ обратно въ монастырь. Государь, Государыня и Ихъ Высочества вошли въ ограду бородинскаго памятника, милостиво бесѣдовали здѣсь съ собравшимися пятью современниками и одной современницей 1812 г., обозрѣвали памятникъ и гранитную плиту на гробницѣ бородинскаго героя князя Багратіона, позади бородинскаго памятника. Въ присутствіи Ихъ Велиществъ генералъ-адъютантъ Дурново возложилъ на могилу Багратіона юбилейную медаль. Юбилейная медаль изображаетъ портретъ Императора Александра I съ одной стороны и слѣдующую надпись съ другой: „Славный годъ сей минулъ, но не пройдутъ содѣянные въ немъ подвиги, 1812—1912 г.“. Такія же медали поднесены Ихъ Величествамъ министромъ двора. Онѣ пожалованы на Владимірскихъ лентахъ всѣмъ потомкамъ участниковъ юбилейныхъ торжествъ.

Послѣ ухода Ихъ Велиществъ отъ ограды памятника французской военной депутаціей возложены къ подножію бородинскаго памятника слѣдующіе вѣнки: отъ военной французской депутаціи, французскаго комитета 1812 г., французскаго сената, французской палаты депутатовъ, парижской политехнической школы, сансирской военной школы, муниципалитета Парижа. Присутствовавшіе на торжествѣ располагаются эффектными группами по скатамъ кургана, частью окружая построенный у подножья кургана шатеръ, предназначенный для Государыни и Ихъ Высочайшихъ Особъ. Начался объѣздъ войскъ. На первой линіи командующій войсками московскаго округа подаетъ Государю рапортъ. За Государемъ блестящая кавалькада, за которой слѣдуютъ великіе князья, министры Двора и военный, дежурство, особы свиты, французскіе генералы и офицеры верхами. Государь объѣзжаетъ ряды, здороваясь съ войсками; склоняются знамена; звуки встрѣчи смѣняются народнымъ гимномъ, который провожаетъ Государя до окончанія объѣзда. Государь останавливается у царской палатки, у которой занимаютъ мѣста Государыня, Наслѣдникъ и великія княжны.

Парадъ, закончившійся въ 2 часа, удался блестяще. Когда парадъ закончился, Государыня, Наслѣдникъ и великія княжны отбыли въ царскую ставку. Государь верхомъ, въ сопровожденіи великихъ князей, свиты, генераловъ, офицеровъ, французскихъ

ацій, бывшихъ также верхами, прослѣдовалъ въ Бородинскій орецъ. Государь ѣхалъ среди толпы народа, стоявшаго шпалерами по обѣ стороны пути, провожаемый несмолкаемыми восторженными кликами.

Изъ Бородинскаго дворца Государь въ сопровожденіи великихъ князей, министра двора, свиты и москов. губернатора направился къ д. Горки къ Кутузовскому памятнику и затѣмъ къ крестьянской ставкѣ въ д. Шеварино, гдѣ были выстроены волостные старшины, старосты, предсѣдатели волостн. судовъ при земскихъ начальникахъ, непр. членахъ губ. присутствій, землеустр. комиссій и уѣздныхъ предводителей. Принявъ отъ депутаціи хлѣбъ-соль, Государь милостиво благодарилъ и сказалъ:

„Я счастливъ, что вмѣстѣ съ вами провожу этотъ день знаменательной годовщины Бородинскаго боя, гдѣ ваши дѣды и прадеды бились со славнымъ врагомъ и отстаивали родину, чему помогли вѣра въ Бога, преданность Царю и любовь къ родинѣ. Надѣюсь, что вы воспитаете и вашихъ дѣтей въ тѣхъ же завѣтахъ преданности и любви къ нашей матушкѣ Россіи“.

Приказъ по военному вѣдомству отъ 26-го августа 1912 г.

Въ непрестанномъ вниманіи къ нуждамъ и въ отеческой заботливости объ участи какъ самихъ воиновъ, такъ и членовъ ихъ семействъ, особенно же тѣхъ, главы коихъ кровью запечатлѣли свою преданность престолу и отечеству, Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ,—настоящій достопамятный день, 26 августа 1912 г., въ который истекаетъ 100-лѣтіе со дня знаменательнаго въ Отечественную войну 1812 г. сраженія подъ Бородинымъ, ознаменовать дарованіемъ нижеизложенныхъ милостей потомкамъ славныхъ дѣятелей названной войны и ихъ семействамъ:

1) Отдѣлить во всѣхъ вообще кадетскихъ корпусахъ 20 казенныхъ вакансій, присвоивъ имъ наименованіе бородинскихъ стипендій для сыновей офицеровъ, врачей и священниковъ, служащихъ и служившихъ въ частяхъ войскъ, участвовавшихъ въ Бородинской битвѣ, или для потомковъ участниковъ войны 1812 г. по мужской линіи, если отцы этихъ малолѣтнихъ пользуются общимъ правомъ на воспитаніе своихъ сыновей въ кадетскихъ корпусахъ; малолѣтнихъ, удовлетворяющихъ условіямъ пріема, на бородинскія стипендіи назначать по усмотрѣнію главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній во всѣ корпуса, въ коихъ по состоянію вакансій представится къ тому возможность, въ число штатныхъ инстеровъ этихъ корпусовъ безъ дополнительнаго отпуска изъ казны на ихъ содержаніе; въ штатѣ Николаевскаго кадетскаго корпуса уменьшить на 20 число штатныхъ своекоштныхъ инстеровъ, и добавить соотвѣтственно этому 20 казеннокоштныхъ вакансій.

2) Увеличить при бородинскомъ памятникѣ домъ для инвалидовъ и службы при немъ.

3) Ассигновать 100,000 руб. на выдачу пособій состоящимъ подъ покровительствомъ Александровскаго комитета о раненыхъ, раненымъ, увеличить выдачу служащимъ въ воинскихъ частяхъ, отличившихся въ Отечественную войну, а также потомкамъ участниковъ Отечественной войны другихъ частей войскъ.

Семействамъ лицъ офицерскаго званія, главы коихъ пострадали въ Отечественную войну, пользующимся въ настоящее время покровительствомъ Александровскаго комитета о раненыхъ и получающимъ пенсію изъ инвалиднаго капитала—размѣръ этой пенсіи удвоить.

5) Семействамъ лицъ офицерскаго званія, пользовавшихся при жизни покровительствомъ Александровскаго комитета о раненыхъ по ранамъ и поврежденіямъ, полученнымъ въ Отечественную войну, но умершихъ не отъ послѣдствій ранъ и поврежденій, назначить пенсіи изъ инвалиднаго капитала по табели, приложенной къ статьѣ 822-ой книги 8-ой свода военныхъ постановленій 1869 года изданія 2-го, въ полномъ размѣрѣ оклада по чину главы семьи.

6) Установить ежегодное внесеніе въ смѣту расходовъ инвалиднаго капитала особаго кредита въ размѣрѣ 5000 рублей на выдачу единовременныхъ пособій семействамъ участниковъ Отечественной войны.

7) Увеличить размѣры пособій изъ инвалиднаго капитала на воспитаніе дѣтей убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ на войнѣ, отъ ранъ умершихъ и отставныхъ раненыхъ офицеровъ и другихъ чиновъ соотвѣтствующаго званія, состоявшихъ и состоящихъ въ покровительствѣ Александровскаго комитета о раненыхъ, согласно имѣющаго быть объявленнымъ дополнительно приказа по военному вѣдомству.

8) Предоставить въ изъятіе изъ закона дочерямъ офицеровъ, раненыхъ въ Отечественную войну и не состоявшихъ въ покрови-

тельствѣ Александровскаго комитета о раненыхъ, право на полученіе изъ инвалиднаго капитала единовременныхъ пособій въ размѣрахъ не свыше годовыхъ окладовъ пенсій семействамъ по чину главы семьи.

Подписалъ военный министръ генералъ-отъ-кавалеріи

Сухомлиновъ.

Юбилейная кантата.

(Сост. Ипполитовымъ-Ивановымъ ко дню историческаго торжества).

На великую Русь надвигалась гроза.
Бонапартъ шелъ побѣдно съ полками,
И дымила родныхъ городовъ полоса,
По пути разоренныхъ врагами.
Паль Смоленскъ и открылъ къ Бѣлокамен-

ной путь,

Но возсталъ русский витязь съ молитвой
И, съ врагами сомкнувъ богатырскую грудь,
Встрѣтилъ ихъ Бородинскою битвой.
Запылала Москва. Этой жертвѣ сердце
Внялъ Господь, и за наши страданья
Отнялъ Онъ у врага горделивый вѣнецъ
И нарекъ его сыномъ изгнанья.

Полегла вражья рать средь холодныхъ

снѣговъ.

Русь же снова наполнена славой,
И отрадно со всѣхъ сорока сороковъ
Звонъ плыветъ надъ Москвой златоглавой.
Торжествуй, вся Россія, весь русский

народъ,

Наполняйтесь, храмы святые,
Возносите, мольбы за 12-й годъ,
Слава, слава, герои родные!

ТЕКУЩІЯ СВѢДѢНІЯ.

Общеземскій вѣнокъ въ память о 1812 г. Во время бородинскихъ юбилейныхъ торжествъ 26 августа московская губернская земская управа отъ имени всѣхъ земствъ возложила на Бородинскій памятникъ массивный серебряный вѣнокъ съ надписью: „Священной памяти 1812 г. земство Россіи“.

Юбилейныя изданія ниж. губ. земства. Къ юбилейнымъ торжествамъ въ память 1812 г. нижегородской губернской земской управой изданы для народа общедоступная брошюра „1812 годъ“—Ч. Вѣтринскаго и стѣнной плакатъ. Послѣдній изготовленъ въ Москвѣ и выполненъ художественно; онъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ краткаго описанія историческаго событія, портреты Императора Александра I Благословеннаго, кн. Кутузова, Барклай-де-Толли и рисунки съ картинъ художниковъ Верещагина и Кившенко: Бородинскій бой, Пожаръ Москвы, Отступленіе французской арміи и Военный совѣтъ въ Филяхъ.

Плакатъ украшенъ сверху символическимъ изображеніемъ побѣды, въ видѣ побѣдоноснаго двухглаваго орла, поражающаго одноглаваго—французскаго; на заднемъ фонѣ въ свѣтлыхъ солнечныхъ лучахъ вырисовываются святыни московскаго кремля. По краямъ плаката—красивое золотое обрамленіе. Книжка и плакатъ будутъ бесплатно разосланы въ самомъ ближайшемъ времени въ волостныя правленія, земскія училища и Алексѣевскія библіотеки-читальни. Желательно, чтобы тѣ и другія сберегли эти изданія, въ особенности плакатъ, помѣстивъ его на вилномъ мѣстѣ.

Юбилейныя торжества въ Н.-Новгородѣ. Юбилейныя торжества начались съ 25 августа, въ канунъ празднованія отечественной войны. Во всѣхъ церквахъ Н.-Новгорода были совершены заупокойныя богослуженія по Императорѣ Александрѣ I, вождямъ и воинамъ, павшимъ въ отечественную войну.

Въ учебныхъ заведеніяхъ занятій 25 августа не было; были совершены панихиды и устроены чтенія для учащихся о войнѣ 1812 года. Такъ въ коммерческомъ училищѣ было устроено чтеніе съ туманными картинами; въ канавинской мужской гимназіи, маріинской женской, гимназіи Хрѣновской были также учащимся предложены чтенія объ отечественной войнѣ, учащіеся пѣли гимны, читали стихотворенія. Въ дворянскомъ муж. институтѣ вечеромъ 25 августа была совершена всенощная, послѣ которой младшимъ классамъ было устроено историч. чтеніе съ участіемъ учащихся въ пѣніи гимновъ и литературныхъ произведеній.

26 августа—въ день празднованія юбилея отечествен. войны были совершены торжественныя богослуженія въ церквахъ; въ

учебныхъ заведеніяхъ—молебны съ возглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому и вѣчной памяти Императору Александру I. Послѣ молебновъ—рѣчи преподавателей и чтеніе воспитанниками литературныхъ произведеній, пѣніе кантаты, гимна и др. музыкальныхъ произведеній.

Въ 2 ч. дня въ зданіи нижегородской биржи было устроено для рабочаго народа чтеніе о войнѣ 1812 г.

Вечеромъ состоялось соединенное засѣданіе городской думы и архивной коммисіи съ чтеніемъ рефератовъ. На засѣданіи присутствовали г. ниж. губернаторъ, камергеръ Высочайшаго Двора А. Н. Хвостовъ, и. д. губ. предводителя А. А. Остафьевъ, председатель губ. земской управы П. А. Демидовъ и члены управы А. Н. Званцевъ и князь А. В. Звенигородскій, з. м. городского головы М. И. Будиловъ, нѣкоторые гласные и члены архивной ко-

мисіи. Городъ въ районѣ Благовѣщенской площади былъ красиво иллюминированъ и переполненъ народомъ. Погода стояла прекрасная.

Къ юбилейной общеземской выставкѣ. На совѣщаніи 23 августа председателей губернскихъ земскихъ управъ обсуждался вопросъ объ участіи всѣхъ земствъ въ общеземской выставкѣ въ память 50-лѣтія существованія земствъ. Какъ извѣстно, нижегородское и таврическое губ. земства, въ виду чрезмѣрности расходовъ по устройству выставки, отказались отъ участія въ ней; въ настоящее время къ этому мнѣнію присоединилось большинство председателей другихъ земствъ и вопросъ этотъ, для окончательнаго его разрѣшенія, переданъ въ особо избранное бюро. Если послѣднее выяснитъ, что расходы превысятъ нѣсколько десятковъ тысячъ на каждое земство, то мысль объ устройствѣ выставки будетъ оставлена.

НИЖЕГОРОДСКІЙ ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ

Т-ва „ПРОВОДНИКЪ“

производитъ оптовую и розничную торговлю слѣдующими товарами:

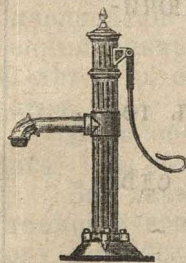
Галоши резиновые и суконныя.
Техническая резина, пластина, клапаны, кольца и пр.
Резиновые рукава: для воды, нефти и кислотъ.
Резиновые половики.
Предохранители каблуконъ.
Шины: экипажн., автомобильн. и велосипедныя.
Резина для вытиранія.
Линолеумъ, ковры и дорожки.
Линкруста.
Асбестовыя издѣлія: набивка, картонъ, нити, полотно и пр.
Эбонитовыя и роговыя издѣлія.
Изоляціонныя принадлежности.

Хирургическіе предметы.
Мячи и игрушки.
Гребни.
Прорезинен. матерія и одежда.
Соски.
Пеньковые пожарные рукава.
Брезенты.
Клеенка: настольная и мебельная.
Скатерти и дорожки машинной и художественной работы.
Непромокаемое платье мужское и дамское.
Брезентовыя куртки, накидки и пальто.
Дорожныя вещи.

ЯРМАРОЧНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ помѣщается на Театральной площади, противъ театра Фигнера. Телеф. № 8—60.

Нижегородскій оптовый складъ и контора помѣщаются: Рождественская улица, д. Бинова. Телеф. № 95.

Розничный магазинъ: Б. Покровка, д. Экон. о-ва офицеровъ. Телеф. № 9—93.

Т./д. К. Гагенъ и В. Югансонъ

МОСКВА.

Франца Урлаубъ—Преемники

предлагаютъ:

Насосы всякаго рода, пожарныя трубы, а также гидравлическіе тараны

Эврика оригиналь Урлаубъ

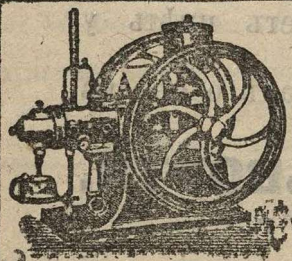
приборы, дающіе даровой водопроводъ.

Каталоги бесплатно.

Сниманію учрежденій мелкаго кредита кооперативовъ и потребительныхъ обществъ.

Изъ числа окончившихъ 1-е Московскіе курсы подготовки высланныхъ писарей имѣются желающіе занять должности счетовода въ вышеупомянутыхъ учрежденіяхъ. Москва, Нижне-Масловская, д. № 33.

Программы высылаются бесплатно по первому требованію.

ДЛЯ МЕЛЬНИЦЪ и др. ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Шведскіе двухтактные нефтяные двигатели

Настоящія „АВАНСЪ“ Модели 1912 г.

(постоянный, локомотивъ и судовые)

САМЫЕ НАДЕЖНЫЕ и САМЫЕ ДЕШЕВЫЕ

Удостоены 53 высшихъ наградъ.

До Января 1912 г. поставлено 5960 двигат. „Авансъ“

Техническая Контора Э. А. ЭДЕНБЕРГЪ

Москва, Мясницкая, 38.

Требуютъ предоплату въ отъѣздъ

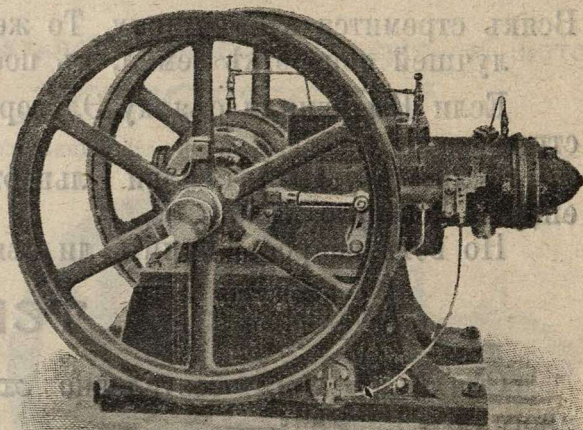
Поставленна также мельницъ и жернововъ.

О-во специальной фабрики арматуръ и мотоіовъ

„УРОСУСЪ“.

Москва, Мясницкая ул., д. 37, телефоны 210—70 и 416—16.

Тепловые двигатели 2-хъ и 4-хъ тактные, отъ 1—80 л. с. работающіе жидкимъ топливомъ, сырою нефтью. Нефтяные локомотивы для сельскохозяйственныхъ цѣлей. Строятся отъ 5 до 25 л. с. Самое дешевое жидкое топливо—по желанію керосиномъ, спиртомъ, бензиномъ и пр.

Небывалая равномерность хода. Идеальный смазочный аппаратъ.

Единственный представитель В. И. ПУРСКІЙ.

Торгово-промышленное и паровое

„ВОЛГА“

въ Нижнемъ-Новгородѣ.

ПРОИЗВОДИТЬ ТОРГОВЛЮ натуральной нефтью, мазутомъ и керосиномъ. ПРИНИМАЕТЪ КЪ ПЕРЕВОЗКѢ: на Волгѣ нефтяные продукты и хлѣбные грузы большими партіями. Въ Сибири—по р.р. Оби, Иртышу и Тарѣ—всевозможные грузы.

Мастерская жестянныхъ и мѣдныхъ издѣлій и никелированіе

Рафаила Максимовича Лебедева.

Нижній-Новгородъ, Ильинка, д. Блинова.

Самодѣйствующій

НАСОСЪ

„ПІОНЕРЪ“

(ШВЕДСКІЙ ПАТЕНТЪ).

Отплавляется:

дровами, углемъ или керосиномъ.

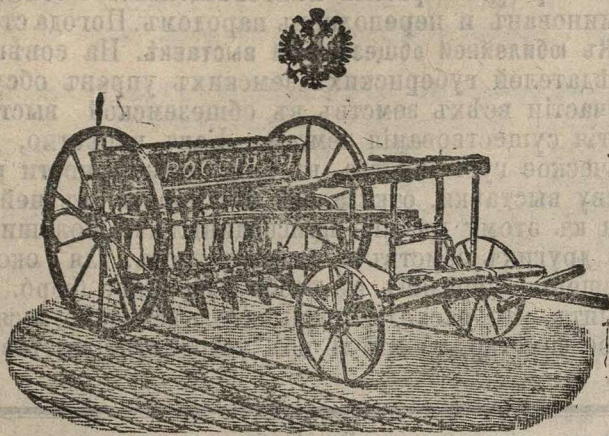
Техническая Контора

Э. А. ЭДЕНБЕРГЪ.

МОСКВА, Мясницкая, 38.

Представитель въ Н.-Новгородѣ, г. Ф. А. Садовниковъ, Дворянская улица, домъ Вишнякова.

Представитель въ Н.-Новгородѣ, г. Ф. А. Садовниковъ, Дворянская ул., домъ Вишнякова.

ТЕПЕРЬ ИЛИ ПОЗЖЕ

Вы станете собственникомъ сѣялки ЭЛЬВОРТИ, и вотъ почему.

Всякъ стремится къ лучшему. То же дѣлаетъ и земледѣлецъ. Онъ стремится къ лучшему урожаю, къ лучшей обработкѣ земли, къ посѣву лучше сортированного зерна, къ выбору лучшей сѣялки.

Если Вы купили сѣялку Эльворти, Ваша цѣль достигнута. Вы купили **лучшее**, къ чему стремились.

Если же у Васъ сѣялки Эльворти нѣтъ, Вы должны ее купить, ибо Ваше стремленіе къ лучшему еще не достигло цѣли.

Но вотъ вопросъ: купить ли сѣялку Эльворти

теперь или позже?

Сѣялка Эльворти безусловно **лучшая**. Это фактъ безспорный. Доказательствъ очевидныхъ много. Къ примѣру:

Сѣялка Эльворти—единственная сѣялка, которая на всѣхъ главныхъ Областныхъ выставкахъ послѣдняго трехлѣтія (Полтава, Екатеринославъ, Одесса, Омскъ) получила Высшую награду—Большую золотую медаль.

Сѣялка Эльворти единственная, которая побѣдила на этихъ выставкахъ сѣялки заграничныхъ заводовъ.

Сѣялка Эльворти дала лучшіе результаты на всѣхъ серьезныхъ, научно поставленныхъ испытаніяхъ (Безенчукъ, Новоузенскъ, Елисаветградъ, Ростовъ на/Д, Москва).

Сѣялка Эльворти обслуживаетъ безъ исключенія наиболѣе правильно организованныя прокатныя и испытательныя поля и станціи (въ одной Самарской губерніи 17 станцій обслуживаются исключительно сѣялкой Эльворти).

Сѣялка Эльворти даетъ хозяину наибольшее сбереженіе и приростъ капитала.

Сѣялка Эльворти—излюбленная сѣялка сельскихъ хозяевъ. Свыше 90000 сѣялокъ обслуживаютъ теперь хозяевъ повсемѣстно.

Если Вы не состоите еще въ ихъ числѣ, то въ концѣ концовъ и Вы найдете необходимымъ сдѣлаться собственникомъ этой сѣялки.

Если Вы стоите передъ вопросомъ, когда купить,—

теперь или позже,

то мы поможемъ Вамъ въ рѣшеніи вопроса. Сообщите 3-коп. открытымъ письмомъ свой адресъ, и мы пришлемъ Вамъ бесплатно каталогъ и проспекты о сѣялкахъ Эльворти.

Когда Вы съ этимъ матеріаломъ ознакомитесь, Вы узнаете причины, завоевавшія первенство сѣялкѣ Эльворти, и ту пользу, которую она приноситъ хозяину. Тогда Вы несомнѣнно рѣшите купить эту сѣялку

теперь, а не позже.

Мы строимъ нѣсколько типовъ сѣялокъ 42 размѣровъ. Слѣдовательно, каждый можетъ имѣть у насъ сѣялку по своимъ требованіямъ и цѣлямъ.

Не откладывайте! Сообщите открытымъ письмомъ свой адресъ, чтобы получить матеріаль о сѣялкѣ Эльворти.

Акц. Общ. Р. и Т. ЭЛЬВОРТИ.

Г. Елисаветградъ, Херс. г.